

ТАТЬЯНА БОЧАРОВА

КОРМИЛИЦА
ПО КОНТРАКТУ

Детектив сильных страстей. Романы Т. Бочаровой

Татьяна Бочарова

Кормилица по контракту

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Бочарова Т. А.

Кормилица по контракту / Т. А. Бочарова — «Эксмо»,
2023 — (Детектив сильных страстей. Романы Т. Бочаровой)

ISBN 978-5-04-191629-9

Окончив школу, Валя приехала покорять Москву. Девушка поселилась у дальней родственницы и устроилась работать в супермаркет. Там она познакомилась с сыном хозяина, и у них закрутился страстный роман. Но когда Валя забеременела, парень по настоянию отца решил отказаться от нее... От расстройства у Вали начались преждевременные роды, она экстренно попала в больницу, но спасти ребенка не удалось. Тогда-то к ней и обратилась медсестра с предложением покормить ребенка, оставшегося без матери. Так Валя оказалась в доме бизнесмена Вадима в качестве няньки и кормилицы его новорожденного сына, еще не подозревая, что ее там ждет... Детективные мелодрамы Татьяны Бочаровой из серии «Детектив сильных страстей» – увлекательные остросюжетные романы, где действительность узнаваема, в героях можно увидеть себя и своих близких, прописаны традиционные ценности, добро в финале побеждает зло и справедливость торжествует.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-191629-9

© Бочарова Т. А., 2023
© Эксмо, 2023

Содержание

1	6
2	8
3	10
4	20
5	22
6	33
7	40
8	43
9	45
10	46
11	49
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Татьяна Александровна Бочарова

Кормилица по контракту

© Бочарова Т., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

1

Было раннее августовское утро, когда пассажирский поезд Ульяновск – Москва прибыл под своды Казанского вокзала. Толпа, вывалившаяся на перрон, быстро таяла – кого-то подхватили встречающие, кто-то ушел сам, торопясь по неотложным столичным делам, кому-то предложили услуги носильщики с огромными телегами.

Вскоре на опустевшей платформе осталось не более десяти человек, в том числе и совсем юная девушка с увесистой сумкой через плечо китайского производства и с пиратской надписью «Аидас» на боку. На вид пассажирке казалось не больше восемнадцати, она была одета в темно-серые джинсы с широким ремнем и слегка приспущенной талией и белую трикотажную кофточку, глубоко вырезанную на груди. На беглый взгляд ее нельзя было назвать красавицей, во всяком случае, стандартные параметры модели «девяносто-шестьдесят-девяносто» к ней явно не подходили: среднего роста, крепко сбитая, с круглым румяным лицом и ясными серыми глазами, смотревшими живо и весело. В ее внешности имелась лишь одна изюминка, отличающая хозяйку от прочих симпатичных и современных молодых особ, наводняющих столицу в жаркие летние деньки, – роскошная темно-каштановая коса толщиной в четыре пальца и длиной ниже пояса. На кончике косы алела бархатная резинка, волосы блестели на солнце, вызывая жгучее желание дотронуться до них. Немногочисленные обитатели перрона мужского пола, с самого утра разогретые пивком и кое-чем покрепче, косились на соседку с возбуждением и интересом.

Девушке, однако, было плевать на их внимание. Она решительным жестом поправила сумку на плече, подняла и без того задорно вздернутый носик и бодро зашагала в сторону метро, упруго и мягко ступая по асфальту резиновыми подошвами дешевых кроссовок.

Пройдя стеклянные двери и остановившись у окошка кассы, девушка, нимало не стесняясь, сунула руку в довольно глубокое декольте и вытащила оттуда старенький матерчатый бумажник. Она раскрыла его, достала сотенную купюру и, протянув кассирше, потребовала уверенным и звонким голосом:

– Пожалуйста, билет на две поездки и телефонокарту.

Получив желаемое, она дождалась, пока освободится ближайший таксофон, умело засунула карту в прорезь аппарата и, старательно шевеля губами, наизусть набрала номер.

Послышались долгие гудки, затем неприятный и резкий женский голос произнес ей в ухо:

– Слушаю!

– Это Евгения Гавриловна? – приветливо и мягко осведомилась девушка.

– Я. – В трубке воцарилась выжидательная пауза.

– Здравствуйте, – так же любезно проговорила она, немного волнуясь и из-за этого переминаясь с ноги на ногу. – Меня зовут Валя. Валя Колесникова. Я дочка Нины и Николая Колесниковых из Ульяновска.

– Не знаю никакой Нины Колесниковой, – отрезала трубка. – Вы, наверное, ошиблись номером.

– Ну как же не знаете? – расстроилась девушка. – Нина... она еще к вам в Москву приезжала, когда Олимпиада была. Помните?

– Нет.

– Ой, ну да! – Девушка звонко хлопнула себя по лбу ладошкой. – Какая же я глупая! Она ж тогда еще не замужем была, а девичья фамилия ее Перепелкина. Теперь вспомнили?

– Нина Перепелкина? – задумчиво и недовольно произнес голос.

– Да, да! Племянница вашего мужа.

– У меня нет мужа.

– Как нет? – испугалась девушка. – Он... умер?

– Он ушел от меня пятнадцать лет назад, – бесстрастным тоном произнесла женщина. – Впрочем, Нину я помню. Что дальше?

– Дальше? – Девушка растерянно похлопала ресницами, но тут же взбодрилась: – Дальше... я приехала в Москву.

– Когда?

– Сегодня. Только что.

– Я счастлива, – язвительно и колко проговорила Евгения Гавриловна. – Уж не имеете ли вы в виду, что собираетесь с вокзала нагрянуть ко мне домой?

– Имею, – наивно подтвердила девушка и добавила: – Вы не волнуйтесь, я вас сильно не стесню. Завтра же пойду работу искать, устроюсь в хорошее место, денег подкоплю и сниму свое жилье.

– А до этого, значит, ты собралась жить у меня?! – От возмущения тетка мигом перестала надменно-вежливо «выкать», ее тон утратил ледяную сдержанность и сделался откровенно грубым и сварливым... – Нет уж, милая! – решительно произнесла она. – Я тебя никогда в жизни не видела, а мать твою – лишь однажды. Нечего шляться в Москву кому ни попадя да обременять людей. У меня и так одна комната, и та двенадцать метров.

– Я на кухне могу, – робко возразила девушка, уже отлично понимая, что ее расчеты провалились самым плачевым образом.

– И не думай! – рявкнула в трубку тетка.

– Куда же мне теперь? – жалобно проговорила незадачливая гостья, теребя молнию на сумке. – У меня ж в Москве никого, кроме вас.

– В общежитие иди. Там недорого сдают.

– Денег совсем нет, – доверительно пожаловалась девушка. – Папе зарплату уже полгода не платят, детскими пособиями живем да огородом.

– Меня не волнует, чем вы живете. – В голосе тетки, несмотря на безапелляционность сказанного, наметилось некоторое сомнение. Девушка живо уловила его и предприняла еще одну отчаянную попытку:

– Пожалуйста, Евгения Гавриловна, миленькая! Ради бога!

– И наглые же вы, деревенские, – ворчливо и обреченно заметила тетка, – дай вам палец, всю руку откусите. – Она помолчала, шумно и демонстративно вздыхая в трубку, а потом проговорила чуть мягче: – Небось бездельница. Или, того чище, гулена. Смотри, у меня с этим строго, не забалуешь! Завтра же пойдешь место искать, а не то выставлю через неделю, и конец. Уразумела?

– Уразумела, – радостно подтвердила девушка, – можно ехать?

– Езжай, что ли. – Евгения Гавриловна старательно прокашлялась. – Адрес-то есть у тебя?

– Есть. Мама дала.

– Ну, жду.

Трубка коротко загудела. Обладательница роскошной косы вынула карту, аккуратно и деловито спрятала ее в бумажник. Затем жестом истинного тинейджера выставила большой палец и торжествующе произнесла:

– Ес!

2

Вале Колесниковой на самом деле только-только исполнилось восемнадцать. Этим летом она окончила одиннадцатилетку. Девушка нисколько не кривила душой, говоря тетке о трудном материальном положении своего семейства: ее мать и отец работали на фабрике, которая давно уже не существовала, а агонизировала, доживая, по всей вероятности, последние месяцы. Рабочим по целым кварталам не выдавали получку или платили частично либо продукцией самой фабрики, реализовать которую было невероятно сложно. Устроиться же на другую работу родители не могли – мать потому, что на руках у нее кроме Вали были три малолетние дочери, а отец по причине банального пьянства.

Валя уже с тринадцати лет в любое свободное время подрабатывала как могла: мыла полы в ближайшем гастрономе, по утрам разносила почту и даже ухитрилась прошлым летом два месяца прослужить официанткой в небольшом кафе на окраине города. То, что по окончании школы она уедет из Ульяновска, было давно и твердо решено. О поступлении в институт Валя и не мечтала – на это не было средств, да и училась она далеко не блестяще. Столица манила ее вполне реальной перспективой найти приличную, хорошо оплачиваемую работу, помочь родным вырваться из нищеты, самой приобрести-приодеться, а там, глядишь...

Что должно было произойти дальше, в недалеком и прекрасном будущем, Валя толком не представляла, но твердо верила, что ей обязательно повезет. Удивительно, но и мать, Нина, также была убеждена, что дочь в Москве ждет удача. Она и не противилась особо, когда та поведала ей о своем решении. Задумчиво нахмурила брови, помолчала немного, потом порылась в старых бумагах и откопала телефон и адрес тетки, у которой некогда была проездом в столице и с тех пор не видела без малого двадцать лет. Тетка запомнилась Нине приветливой и гостеприимной, и ее нисколько не озадачил факт, что за столь длительное время характер у нее мог существенно измениться, да и вообще, сама тетка могла запросто сменить место жительства.

Что поделать, Нина, несмотря на свои тридцать восемь, была наивна и оптимистична, хоть жизнь упорно старалась лишить ее этого. Своей верой в лучшее она наградила и дочь. Именно от нее досталась Вале ясная, лучистая сероглазость, легкий, неунывающий нрав и великолепный цвет лица, происходящий, как известно, от здоровой нервной системы. В остальном же она как две капли воды походила на отца: та же ладно сбитая коренастая фигура, густой волос цвета каленого ореха, цепкий, практичный ум и ловкие руки.

Решив таким простым образом проблему первоначального проживания дочери на чужбине, Нина потребовала от нее только одного: уехать после того, как закончится огородная страда. Валя не протестовала: весь июль и половину августа она терпеливо пропальвала грядки, таскала из колонки воду для полива, опрыскивала помидоры и огурцы, давила сок из ягод. Собираться она начала, лишь когда лето ощутимо и стремительно полетело к концу, и это заняло всего пару дней. И правда, что ей было особенно собирать? Весь Валин гардероб ограничивался теми самыми серыми джинсами, купленными на барахолке, двумя-тремя синтетическими кофточками, короткой курткой на холода да пушистым рыжим свитером маминой вязки. Прибавить к этому черное трикотажное платьице, лодочки «на выход» – и, пожалуй, больше перечислять нечего.

Все добро без труда уместилось в вышеупомянутой сумке «псевдоаидас». Нина повздыхала, залезла в спрятанную от мужа записку и выделила старшей дочери огромную для семьи сумму в пятьсот рублей. Деньги предназначались Вале на питание в первые пару недель проживания в столице. Предполагалось, что далее она сможет кормить себя самостоятельно.

Ульяновск Валя покидала с легким сердцем, ни по кому особенно не тоскуя. В семействе у них сантименты были не приняты, школьные подруги так же, как и она, по большей части

разъехались сразу по окончании выпускных экзаменов, а настоящей, крепкой любви в родном городе Валя нажать не успела. Бегал за ней пару лет одноклассник Вовка Алтуфьев, но она не могла принять его ухаживания всерьез – может, потому, что слишком хорошо помнила, как в яслях они рядышком сидели на горшках.

Так или иначе, Вовке Валя обещала писать в армию, сестрам посулила через полгода привезти столичных шмоток, а мать просто обняла и поцеловала – без слез и лишних громких слов. Отец в день ее отъезда в очередной раз надрался с приятелями и пребывал в глубокой отключке, поэтому прощания с ним не получилось вовсе.

Вечером Валя села в плацкартный вагон, который к утру благополучно доставил ее по месту назначения...

Конечно, теткина неприветливость несколько обескуражила девушку, с детства привыкшую к тому, что у них в доме двери всегда гостеприимно распахнуты для любого, страждущего крыши над головой. Так уж ведется в провинции – и Нина, и Николай предпочли бы выставить на стол последнюю банку огурцов, чем прослыть среди соседей скрягами и жмотами.

Но Москва не Ульяновск, и законы здесь другие. В глубине души Валя отлично понимала это, поэтому изо всех сил убеждала себя не расстраиваться и не принимать теткину грубость близко к сердцу. Почему, в самом деле, та должна была обрадоваться ее приезду – ведь Валя ей никто, седьмая вода на киселе. Вот когда она узнает ее поближе да поймет, что внучатая племянница не дурить в столицу приехала, а делом заниматься, тогда и разговор другой пойдет.

Утешив себя подобным образом, Валя приободрилась, села в поезд и, внимательно изучив схему, поехала напрямик на «Юго-Западную».

3

Теткин дом оказался грязно-серой семнадцатизэтажкой, окруженной чахлым, неухоженным двориком. Прежде чем попасть в подъезд, Вале пришлось пройти через кордон зорких и сердитых старух, с величественным видом восседавших на блеклой, разохшейся лавчонке.

Бабки явно назубок знали всех жильцов, и Валино появление вызвало у них живейший интерес. Тотчас, как она миновала лавочку, за ее спиной послышалось злое шушуканье, из которого Валя явственно разобрала лишь одну фразу: «Ишь, выставила сиськи, похабница!» В ответ на это девушка лишь презрительно улыбнулась и горделиво выпрямилась, еще больше демонстрируя свою великолепную грудь третьего размера. Она не собиралась пасовать ни перед кем – ни перед теткой, ни перед ее склочными товарками.

Поднявшись в лифте на седьмой этаж, Валя уверенно нажала на кнопку у квартиры номер двадцать шесть. Послышался мелодичный звонок. Дверь тут же распахнулась, и на пороге появилась высокая сухопарая женщина лет шестидесяти, с пегими волосами, забранными на затылке в жидкий пучок. Мясистый нос украшали круглые очки в роговой оправе, тонкие, поджатые губы были слегка тронуты коричневой помадой.

– Евгения Гавриловна? – полувопросительно-полуутвердительно произнесла Валя.

– Она самая. – Тетка без улыбки посторонилась, пропуская ее в квартиру.

– Огромное вам спасибо, – прочувствованно проговорила Валя, проходя в небольшую, но компактную прихожую.

– Это что ж, у тебя из багажа только сумка? – Старуха в недоумении покосилась на скудную поклажу. – Мать тебе даже гостинцев не положила?

– Положила, – с готовностью ответила Валя, – поллитровку варенья клубничного и маринованные помидоры. Все тут. – Она с гордостью хлопала по оттопыренному боку «Адидаса».

– О господи, – с тяжелым вздохом проговорила тетка, и Валя не поняла, к чему относилась ее реплика – то ли к тому, что ей не понравились подарки, то ли к чему-то еще, о чем сложно было догадаться.

– Я зайду в комнату? – осторожно спросила она.

– Зайди, зайди, – немного приветливее согласилась Евгения Гавриловна. – Обувку только сними, вон там, под вешалкой, тапочки. Сейчас тебе полотенце дам, для душа.

– Спасибо, – снова повторила Валя, стаскивая кроссовки.

– Пожалуйста. – Тетка повернулась к ней спиной и скрылась в комнате.

Валя надела мягкие войлочные тапки с белыми пушистыми помпонами и, тихонько ступая, зашла следом.

Комната оказалась просторной и чистой. Потолок просто сиял белизной, стены были оклеены новенькими обоями в симпатичный голубой цветочек. У одной стены стоял диван, покрытый коричневым клетчатым пледом, у другой – квадратный стол. В углу высился старинный дубовый шкаф – такие в Ульяновске называли шифоньерами. У окна поблескивала черным металлическим блеском швейная машинка, рядом с ней громоздился комод со множеством ящиков.

Возле него и стояла сейчас Евгения Гавриловна, нагнувшись и выставив тощий зад, обтянутый длинным трикотажным халатом.

– Спать будешь на раскладушке, – не оборачиваясь, бросила она, – другой кровати у меня нет, как видишь. На ночь поставишь вон туда, за шкаф, утром уберешь. Понятно?

– Да. – Валя аккуратно пристроила сумку на один из стульев, стоящих у стола.

Тетка наконец выпрямилась и обернулась, держа в руках большое мохнатое полотенце.

– Вот, возьми. Да смотри, будешь мыться – аккуратней: у меня шланг подтекает, пол не залей.

– Хорошо. – Валя послушно кивнула и взяла полотенце.

Евгения Гавриловна, ничего больше не говоря, покинула комнату. Валя, едва заметно вздохнув, принялась стаскивать кофточку. Повесила ее на спинку стула, расстегнула ремень на джинсах. И тут за ее спиной громко и хрипло раздалось:

– Здор-рово!

От неожиданности Валя вздрогнула и выпустила из рук пряжку, а потом медленно обернулась. В самом углу, за машинкой, на высокой тумбочке сидел в клетке маленький пестро-зеленый попугай и смотрел на нее немигающими красноватыми глазками.

Валя облегченно выдохнула и улыбнулась:

– Здравствуй. Какой ты красавец! И как, интересно, тебя зовут?

– Петр-руша! – тотчас каркнул попугай, будто ожидал этого вопроса.

– Хорошее имя, – похвалила Валя и, сняв джинсы, осталась в тоненьких кружевных трусиках и лифчике, в глубине которого уютно пристроился бумажник.

– Хор-рошее! – с готовностью подтвердил попугай.

– Классно, что ты здесь есть, – тепло проговорила она и, слегка понизив голос, прибавила с оглядкой на дверь: – Все не так тоскливо будет.

Тут же ей стало совестно, что она жалуется на тетку, оказавшую ей такую неоценимую услугу, хоть и без особого удовольствия.

– Ладно, Петруша, пойду я в душ, – как можно бодрее объявила Валя, аккуратно выложила бумажник, спрятала его в сумку и, подхватив полотенце, вышла в коридор.

Из кухни доносилось шипение на сковородке.

– Помоешься, приходи завтракать! – крикнула Евгения Гавриловна. – Разносолами я тебя баловать не собираюсь, поджарю картошку.

– Конечно, конечно, – пропела Валя и нырнула в крохотную ванную. Там она сбросила с себя остатки одежды, включила воду на полную мощность, потом, вспомнив теткино предостережение, слегка убавила напор и с наслаждением подставила тело под горячие струи.

Долго унывать Валя не умела. Теплая вода и душистое мыло быстро привели ее в бодрое расположение духа. Евгения Гавриловна уже не казалась ей сухой и неприветливой, а жизнь и вовсе виделась исключительно в розовом свете.

Сейчас она перекусит, а после сбегает к метро, где в палатке видела толстый журнал под названием «Работа и зарплата». Валя хотела купить его еще по пути к дому Евгении Гавриловны. Ее остановило нежелание лишний раз при всем честном народе залезать в потайное место, где по наказу матери она хранила кошелек со всеми финансами.

Валя намеревалась изучить журнал вдоль и поперек и в течение дня обзвонить целый ряд подходящих заведений. Она не сомневалась, что уже завтра, максимум послезавтра, работа будет у нее в кармане.

Докрасна растершись полотенцем, Валя вернулась в комнату, натянула старенький ситцевый халатик, переплела косу и отправилась в кухню.

Тарелка с картошкой уже стояла на столе. Рядом лежала вилка. Валя пошарила глазами в поисках хлеба, но его не оказалось.

– Ешь и пей, – Евгения Гавриловна придвинула к ней чашку с чаем, – можешь сахар взять в сахарнице, только немного. Мне пора на работу, ключ я положу в прихожей на тумбочку. Гляди, не потеряй.

– Разве вы работаете? – удивилась Валя, принимаясь за еду.

– А как же! Тут все работают, не то что у вас. Нянечка я в поликлинике. Карты больным выдаю. Сегодня вот из-за тебя договорилась, что опоздаю малость, а так к восьми часам, как штык, каждый день. – Евгения Гавриловна скупно улыбнулась и выпрямила без того безупречно прямую спину. – Ну, я пошла. Да, и помни: позже девяти домой не возвращайся – я в полдесятого спать ложусь.

– Не буду, – пообещала Валя с набитым ртом.

Тетка ушла. Картошка, приготовленная ею, оказалась на удивление вкусной, Валя даже позабыла про отсутствие хлеба. «На обратном пути от метро зайду в магазин, куплю буханку черного и что-нибудь к чаю», – решила она.

Поев, Валя вымыла за собой посуду, переделалась в джинсы, только кофточку сменила на майку. Достала из кошелька еще одну сотню, потом, поколебавшись, заменила ее на полтинник, слегка подкрасила губы перед зеркалом и, весело подмигнув попугаю, вышла из квартиры.

Лавочка у подъезда была пуста – стервозные бабки уже успели куда-то уйти. Валя вдохнула полной грудью и огляделась по сторонам.

Ярко, еще по-летнему светило солнце, в перекошенной песочнице увлеченно ковырялась детвора, оглашая двор звонкими криками. Далеко за деревьями монотонно шумело шоссе.

«Москва!» – с восторгом сказала Валя сама себе. Она никогда в жизни не была здесь. Единственный раз, когда их шестой класс ездил в столицу на осенние каникулы, Валя заболела свинкой и осталась дома. Позапрошлым летом Нине в профкоме дали льготную путевку в лагерь на море для двоих младших дочерей. Везти девчонок нужно было проездом через Москву, Нина обещала взять Валю с собой, но в последний момент все сорвалось – Николай по пьяни сломал ногу, загремел в больницу, и надо было кому-то остаться в городе, следить за десятилетней Танькой. Да и посадки огородные горели, требуя частого и обильного полива под жарким июльским солнцем. Осталась, конечно же, Валя – больше некому было. Так она и не повидала Москвы, хотя мечтала об этом с самого детства, горячо, страстно, даже во сне видела осуществление своих грез.

И вот теперь она здесь, стоит посреди московского двора, вдыхает слегка пахнувший бензином и все равно чудесный воздух столицы, видит многоэтажные дома, шикарные, блестящие автомобили, слышит неповторимые, восхитительные звуки огромного города. Нет, это лучше всяких снов, красивее смелых грез.

Валя постояла еще немного, с жадностью впитывая все, что удавалось зацепить ее органам чувств, а затем неспешным, прогулочным шагом пошла в сторону метро, продолжая на ходу познавать окружающий мир.

Она перешла шоссе и оказалась в самой гуще многочисленных палаток и киосков. Чего здесь только не было – и фрукты, и сладости, и целое море шмоток, от которых поневоле не могли оторваться Валины глаза, никогда прежде не видевшие такого великолепия и разнообразия цветов, материалов и фасонов.

Взгляд ее сразу же сконцентрировался на симпатичной шелковой блузке с красивым оригинальным вырезом. Она любила такие вещицы, отлично сознавая, что глубокое декольте выгодно подчеркивает ее красивую пышную грудь, от которой все ребята в школе не могли отвести жадных взоров.

Увы! При ближайшем рассмотрении оказалось, что цена блузки ровно в три раза превышает все имеющиеся в наличии у Вали средства. «Ничего, – утешила она себя, – возможно, через месяц я смогу себе позволить такую покупку. Да еще к ней в придачу вон те черные брюки-стрейч и эти полусапожки на шпильке. Наверняка даже останется на приличную тушь для ресниц». Тут же Валя вспомнила о своем намерении большую часть зарплаты выслать в Ульяновск и мысленно поправила себя: «Только кофточка и тушь, а брюки потом».

С видимым сожалением оторвавшись от предмета вожделений, она прошла к киоску печатной продукции и купила журнал. Вернулась во двор, села на лавочку и принялась методично листать страницу за страницей.

Довольно скоро Вале стало ясно, что найти работу в столице вовсе не такое плевое дело, как ей казалось. В горничные и няни требовались женщины исключительно старше тридцати, в большинстве случаев непременно с московской пропиской и замужние. От официанток требовалось работать по ночам, чего Валя делать ни в коем случае не хотела, опасаясь домога-

тельств со стороны клиентов. Были, конечно, и другие предложения, проще и доступнее, но и деньги там платили грошовые, а в ее планы входило не мелочиться и уж если трудиться, то не меньше чем за двести баксов в месяц.

Она и не заметила, как провела за просмотром объявлений почти час. У нее зарябило в глазах, заболела спина. Валя решила сделать перерыв, отложила журнал и увидела, что возле лавочки, покачиваясь, стоит тощий небритый субъект с бутылкой пива в руках. Он внимательно смотрел на Валу и улыбался мокрыми, слюнявыми губами. Убедившись, что его заметили, мужик приветственно махнул рукой:

– Хелло, детка! Не хочешь составить компанию? Мое пиво, твоя закуска.

– Нет, спасибо. – Валя решительно помотала головой.

Субъект, однако, так легко отступить не желал. Он подошел и довольно бесцеремонно тронул девушку за плечо.

– А ты – конфетка. Симпатичная малышка. Не артачься, увидишь, будет жутко весело.

– Ну-ка, убери руки, ты, зефир в шоколаде! – Валя, сохраняя полное спокойствие, легким движением плеча сбросила руку наглого пристава. – Для начала слюни утри, а то смотреть неприятно.

Небритый с опаской оглядел ее довольно внушительные бицепсы и молча отошел в сторону. Девушка проводила его насмешливым взглядом и вернулась к своему журналу.

Еще через двадцать минут она отметила для себя не менее десятка телефонов, по которым предстояло позвонить. Валя уже хотела идти домой, как вспомнила о своем желании заскочить в магазин. Она встала с лавочки и обратилась к молодой женщине, катавшей по тротуару шикарную голубую коляску:

– Простите, вы не подскажете, где здесь поблизости хороший гастроном?

– Гастроном? – Мамаша, не задумываясь, ткнула рукой в сторону, противоположную метро. – Вон там, за домами, замечательный супермаркет. Идти буквально пять минут, продукты всегда свежайшие и цены удобоваримые.

Валя кивнула в знак благодарности и поспешила в указанном направлении. Действительно, не успела она глазом моргнуть, как прямо перед ней возникло большое ярко-желтое здание со стеклянными дверями и совершенно лишенное окон. На боку красовалась вывеска: «Универсам “Надежда”». В двери непрерывным потоком валил народ.

«Небось очередища здесь», – подумала Валя, но тем не менее вошла внутрь.

В помещении громко играла музыка, в углу, возле камер хранения, толпились желающие положить в автомат деньги на счет мобильного телефона. На низеньких столиках громоздилась гора новеньких, блестящих металлических корзиночек. Валя взяла одну и поспешила за турникет.

Ассортимент продуктов привел ее в восторг. Ах, как жаль, что она пока не могла себе позволить практически ничего из того, что видела на забытых до отказа полках! О многих товарах Валя вообще не имела понятия: например, не знала почти половины сортов сыров и колбас, не представляла, что молочных продуктов может быть такое великое множество. Она чувствовала себя как на увлекательной, интересной экскурсии – неторопливо ходила между рядами, подолгу глядела на этикетки и ценники, некоторые коробочки и банки даже брала в руки. Никто ее не останавливал, не делал ни малейших замечаний, наоборот: девушки-продавщицы приветливо улыбались и несколько раз спросили, не могут ли они чем-нибудь помочь. От помощи Валя вежливо, но твердо отказалась, и в конце концов, положив в корзину буханку круглого черного хлеба и маленькую упаковку пастилы, двинулась к кассе.

К ее удивлению, никакой очереди там не обнаружилось, стояло всего несколько человек, да и тех худенькая, юркая, как мышь, кассирша обслуживала с невероятной быстротой. Пара минут – и у Вали в руке был чек, на обратной стороне которого пестрела реклама обувного

магазина «Каблучок». Она сложила покупки в полиэтиленовый пакет, выданный ей бесплатно, и поспешила к выходу.

«Буду ходить сюда каждый день, – решила Валя, оказавшись на улице, – действительно чудесный магазин».

– Девушка! – окликнул ее дребезжащий старческий голос.

Валя обернулась и увидела скрюченную, совершенно седую старушонку с большой хозяйственной авоськой. Бабка шамкала губами и просительно глядела на Валю.

– Посмотрите, что там за объявление на дверях – не санитарный ли день, часом, завтра? Тут такое иногда бывает, а у меня как раз именины и гости придут. Сама-то я слепуха стала, совсем не вижу. – Старушка сокрушенно покачала ссохшейся головой.

– Конечно, посмотрю, – охотно согласилась Валя и, подойдя к дверям прочитала, громко и четко произнося слова:

«Универсаму срочно требуется продавец».

– А, – бабулька облегченно махнула тощей ручонкой, – это здесь уже давно висит, с неделю или больше. Слава тебе, господи, значит, завтра все будет без изменений.

– Наверное, – подтвердила Валя.

Бабка, крихтя, просеменила в магазин. Валя проводила ее взглядом и хотела было уже идти, как вдруг ее словно что-то кольнуло. Она еще раз внимательно перечитала листовку. Ну да, вот же, черным по белому сказано: требуется продавец. И нигде не указано, что необходима московская прописка или соискателю должно быть обязательно за тридцать. Понимай как хочешь.

Валя энергично дернула стеклянную дверь и снова зашла в супермаркет. На этот раз она прошагала прямо к охраннику, высоченному здоровяку в строгом черном костюме с лицом, не предвещавшим ничего хорошего.

– Добрый день, – поздоровалась с детиной Валя.

– Добрый, – неожиданно приветливо ответил охранник.

– Я по поводу объявления о работе. Тут нужен продавец?

Мужик смерил девушку оценивающим взглядом, обернулся и негромко позвал:

– Люся, подойди.

Тотчас возле него, будто из-под земли, выросла, возникла миловидная крашеная блондинка средних лет с потрясающим кораллово-красным маникюром и такой же яркой помадой на губах.

– Что, Леша? – Блондинка вопросительно уставилась на здоровяка.

– Вот, девушка интересуется объявлением. Сведи ее к шефу, может, она ему приглянется.

Теперь настал черед Люси изучать Валю. Она смотрела на нее с минуту, а то и больше, а затем, слегка наклонив голову, произнесла утвердительно:

– Приезжая.

– Да. – Валя окинула тетку, обладающую телепатическими способностями, удивленным взглядом. – Откуда вы...

– Знаю, – спокойно перебила та, – у меня глаз наметанный. Сразу после школы?

– Угу.

– А жить-то в Москве есть где?

– Есть, – не моргнув глазом, ответила Валя. – Я тут совсем рядышком, у тетки. Ходу меньше пяти минут.

– Ну пошли, – без особого энтузиазма велела Люся и, легонько взяв Валю за плечо, повела через зал.

Они миновали колбасный отдел, и Валя поняла, где сосредоточивалась основная масса покупателей: все они стояли в длинном хвосте за сосисками, окороками и ветчиной. Пять или шесть девушек в симпатичных синих халатиках и таких же косынках без устали нарезали мяс-

ную продукцию на специальных машинках. Со стороны они казались автоматами: ни одного лишнего движения, ни взгляда в сторону, только отточенное до виртуозного блеска мелькание рук, сдирающих колбасную шкуру, бросающих батоны под нож, затягивающих упаковки целлофаном и вручающих их покупателям.

«Бедные, – с сочувствием подумала Валя, глядя на трудящихся в поте лица девчонок. – Тяжело небось вот так, не разгибаясь, кромсать колбасу целыми днями».

– Не отвлекайся, – недовольным тоном произнесла Люся, заметив, что Валя замедлила шаг. – Тебе же это надо. У меня своих дел полно, не хватало с тобой валандаться.

Валя поспешно кивнула и вслед за ней зашла в узкую железную дверь в самом конце зала. Там оказался коридор, длинный и плохо освещенный. Они прошли его насквозь и остановились перед другой дверью. Люся негромко постучала.

– Войдите! – отозвался изнутри громкий гортанный голос с явным южным акцентом.

– Давай. – Люся подтолкнула Валу вперед. – Ты первая.

– Почему я? – заартачилась было та, но женщина уже распахнула дверь перед ее носом.

Валя очутилась в светлом, хотя и тесноватом кабинете. Одна его стена была сплошь заставлена шкапами, у другой стоял небольшой мягкий диванчик. На нем лежал огромный полосатый арбуз. У зарешеченного крошечного окошка стоял стол, за которым сидел тучный чернобородый и чернобровый мужчина лет пятидесяти. Его темные маленькие глазки цепко впились в Валино лицо.

– Чего надо, дэвушка?

Валя хотела открыть рот, но Люся, стоявшая за ее спиной, заговорила раньше:

– Муртаз Аббасович, она по поводу работы.

– Ах так! – Чернобровый встал и оказался совсем низенького роста. Впрочем, это не мешало ему выглядеть внушительно и даже устрашающе. Он постучал толстым указательным пальцем по столешнице и, не отрывая от Вали пронзительного взгляда, приказал: – Иды сюда.

– Иди, – шепотом проговорила Люся и подтолкнула ее в спину.

Та с невольной опаской приблизилась к столу.

– Значит, хочэшь работать продавщицей, – произнес чернобровый.

– Хочу, – робко подтвердила Валя.

– Она не москвичка, Муртаз Аббасович, – встряла Люся и тут же прибавила: – Но живет рядом.

– Лэт сколько? – рявкнул восточный мужчина.

– Восемнадцать.

– Работа ежеднэвно, с дэвяти до дэвяти, одын выходной. Устроит? – Муртаз Аббасович вопросительно уставился на Валу.

– Смотря какие у вас заработки, – осмелев, проговорила та.

– Хорошие заработки. Ныкто нэ жалуется.

– А все-таки хотелось бы поточнее.

Муртаз Аббасович неожиданно перестал хмурить смоляные кустистые брови и улыбнулся, блеснув множеством золотых коронок.

– Какая настырная, слушай! Хорошо, скажу поточнее. Двести пятьдэсят баксов тэбя устроит на пэрвое врэмья?

– Еще как! – обрадовалась Валя, не веря своему счастью.

Суток не прошло, как она в Москве, а у нее уже есть работа. Да какая – в огромном современном магазине, явно лучшем во всем микрорайоне! Об этом и мечтать было трудно.

– Будешь колбасу рэзать, – так же добродушно объяснил Муртаз Аббасович. – Завтра придешь, тэбе все покажут. Опаздывать нэльзя, штраф дэсят баксов. Болтать во врэмья работы тоже нэльзя. Кушать только в пэрэрыв. Покупатели пожалуются – опять штраф. Поняла?

– Да, – озадаченно произнесла Валя.

Вот те раз – значит, ее берут сюда на колбасу, туда, где, как пчелки, падают загнанные девочки. По двенадцать часов в день не отходить от машинки – и ни словом перекинуться с соседкой, ни яблока пожевать!

Бровастый меж тем со снисходительной ухмылкой наблюдал за ее реакцией на свои слова.

– Ну как?

– Соглашайся, – шепнула сзади Люся, о существовании которой Валя почти позабыла.

«В конце концов, двести пятьдесят баксов на дороге не валяются», – решила она и отчаянно тряхнула головой:

– Я готова.

– Отлично, – самодовольно проговорил Муртаз Аббасович. – Паспорт у тебя с собой?

– Дома, – огорчилась Валя.

– Ничего. Завтра принесешь. Мэдицинскую книжку мы тебе сделаем. Как звать?

– Валентина, – быстро проговорила она и тут же поправилась: – Колесникова Валентина Николаевна.

– Хорошо, Валэнтина Николаевна, – засмеялся бровастый, – жду тебя завтра к девяти. Сначала зайдешь ко мне, потом Людмила Ивановна отвэдет тебя на место. До свиданья.

– До свиданья, – проговорила Валя и вышла из кабинета.

– Ну вот и сладилось, – удовлетворенно сказала Люся, прикрывая директорскую дверь, – трудовой книжки у тебя, поди, тоже нет?

– Трудовая есть. Я уже давно подрабатываю.

– Тем лучше. – Люся впервые за все время их знакомства улыбнулась коралловыми губами. – Ты не сомневайся. Такое место в твоём положении – редкая удача. У нас покупателей пруд пруди, со всего района идут, девочки не успевают всех обслуживать. В колбасном обычно не меньше семи человек работает, а тут, неделю назад, одна уволилась, Матвеева Саша. Что поделать, муж военный, переводят в другой город. Вот ты на ее место и заступишь. Обучим тебя, будешь не хуже других резать. Потом, глядишь, и на повышение пойдешь. Опять же, денег прибавят. Но это не сразу, – спохватилась Люся, уловив ее мечтательный взгляд, – пока что себя зарекомендовать нужно. Муртаз Аббасович жутко строгий, но справедливый. Дисциплина у нас о-го-го, потому и выживаем в условиях конкуренции.

Валя слушала и кивала. Она ни о чем не жалела и была исполнена энтузиазма. Колбаса так колбаса. Главное, что она уже устроена, завтра ее первый рабочий день, а, значит, совсем скоро можно будет съехать от вредной и сердитой Евгении Гавриловны, снять свое жилье, послать в Ульяновск кругленькую сумму, да и про себя не забыть.

– Ну ладно, – наконец махнула рукой Люся, – ты сейчас идти домой, хорошенько отдохни, спать ложись пораньше, чтобы завтра силы были. До встречи.

– Спасибо. – Валя благодарно улыбнулась.

– Не за что, – засмеялась Люся, – все, я побежала. Гуд бай. – Она вытолкнула ее обратно в зал и моментально растворилась.

Валя постояла немного, а потом подошла к прилавку с колбасами. Она долго смотрела на работу девушек, и постепенно ей стало казаться, что в ней нет никакой сложности. Пожалуй, быть официанткой значительно труднее – чего стоит одно только умение увертываться от перебравших клиентов!

Закончив наблюдения, Валя во второй раз покинула универсам. На этот раз она не стала нигде задерживаться и сразу двинулась к дому. Зашла в подъезд, поднялась на нужный этаж, отомкнула квартиру.

– Кт-то т-там? – тут же спросил из комнаты Петруша. – Вор-ры?

– Ну почему сразу воры? – засмеялась Валя. – Нельзя быть таким подозрительным.

Она занесла продукты на кухню, отломала от пастилы кусочек и, зайдя в комнату, сунула его между прутьев клетки. Сначала попугай недоверчиво нахохлил радужные перышки, а затем несмело клюнул крепким желтоватым клювом.

– Ну как? – спросила у него Валя. – Вкусно?

– Гад-дось! – лаконично изрек тот и принялся щипать пастилу со всех сторон.

– Если гадость, нечего тогда жрать, – обиделась Валя и поглядела на старинные деревянные часы с гирьками, висевшие на стене.

Только час, делать абсолютно нечего. Она поколебалась и включила телевизор. Шел какой-то сериал, начала которого Валя не видела. Она устроилась на диване, закинув ногу на ногу, и принялась с интересом смотреть.

Тетка должна была прийти лишь к вечеру, и Валя почувствовала себя полной хозяйкой: во время рекламной паузы сбегала в кухню, быстренько вскипятила электрочайник, налила себя чаю и, прихватив пастилу, вернулась к телевизору.

– Пр-приятного апп-петита, – прокомментировал ее действия Петруша.

– И тебе того же, – насмешливо проговорила Валя, откусывая крепкими белыми зубами пастилу.

Вскоре фильм ей наскучил. Она решила поглядеть, что еще есть интересного в теткиной квартире, кроме старинных часов, телевизора и не в меру умной говорящей птицы. Залезать в шкаф показалось ей неприличным, а вот один из ящичков комода был соблазнительно приоткрыт. Валя осторожно выдвинула его до конца, и ее взгляду представилась стопка толстых фотоальбомов в пыльных, изъеденных молью бархатных переплетках. «В самый раз», – подумала она и, выудив наугад один из них, раскрыла на первой странице. Там оказалось два снимка, старых, черно-белых, с пожелтевшими нечеткими краями: девушка в платье с матросским воротничком, со строгим, чрезмерно худым лицом и длинными темными волосами, распущенными по плечам. Валя без труда узнала Евгению Гавриловну.

Вот ведь елки-палки – а тетка-то, кажется, в юные годы была очень даже ничего, хоть и тощевата маленько. Небось и ухажеров хватало.

Словно в подтверждение ее мыслей на следующей странице располагалось фото симпатичного молодого человека с курчавой шевелюрой и папиросой в зубах. Внизу карточки шла надпись витиеватым затейливым шрифтом: «Милой Женечке на вечную память от Георгия Р.».

Валя с детским любопытством принялась воображать, кто же такой был этот Георгий Р. Может быть, теткин муж, который потом ушел, бросил ее? Верно, с тех пор она и стала такая злющая – неудача в любви хоть кого сделает стервой. Интересно, а детей у них не было?

Валя хотела было перевернуть еще страничку, как вдруг из прихожей послышался звук отпираемого замка. Она вздрогнула от неожиданности и, точно ворюшка, поспешно захлопнула альбом.

– К-кто там? – оглушительно гаркнул Петруша.

– Свои, успокойся, – ворчливо произнес голос Евгении Гавриловны, и тотчас она сама появилась на пороге комнаты.

При виде растерянной Вали с альбомом в руках ее лицо, и без того длинное и узкое, вытянулось еще больше.

– Это еще что за фокусы? – сурово проговорила тетка и, шагнув к девушке, резким движением выхватила у нее альбом. – Я, значит, за порог, а ты по чужим ящикам шастать? Нечего сказать, пригрела змею!

– Да я... я только посмотреть, – виновато прошептала Валя, – просто так, скуки ради. Там же ничего секретного.

– Почем ты знаешь, что ничего? – не унималась Евгения Гавриловна. – Ишь, молодежь! Не воспитывают вас нынче, все дозволено. Скоро и воровать разрешат, и грабить среди бела дня.

– Вор-ры, вор-ры! – радостно подхватил знакомое слово попугай.

– Цыц, ты, оглашенный, – шикнула на него Евгения Гавриловна и, назидательно погрозив Вале длинным узловатым пальцем, проговорила: – Гляди у меня: замечу еще что в этом роде, сразу выгоню вон. Ясно?

– Зачем вы так? – не выдержала Валя. – Разве я украсть хотела? И так вас долго не стесню, скоро уеду.

– Куда это ты уедешь? – колко поинтересовалась тетка.

– Комнату сниму, – уже с явным вызовом проговорила Валя. – Я на работу устроилась.

– На какую такую работу? – Евгения Гавриловна недоверчиво сощурилась. – Ты, девка, ври, да не завирайся.

– Делать мне нечего, как врать. – Она небрежно повела плечиком. – Я с завтрашнего дня в супермаркете работаю. На колбасе.

– На чем? – изумилась тетка.

– На колбасе! – отрезала Валя, подумала секунду и прибавила с гордостью: – В универсаме «Надежда». Слышали, надеюсь, о таком?

– Слыхала, – слегка порастеряв пыл, проговорила Евгения Гавриловна. – Что ж, тебя верно туда взяли?

– Верно.

– Прямо так, с улицы?

– А что, по-вашему, кастинг надо было пройти? – съязвила Валя. – Это, чай, не «Фабрика звезд», а гастроном!

– погоди ты, не насмешничай, – отмахнулась тетка и, сунув альбом с фотографиями на место, тяжело села на диван, – по порядку давай, что да как.

Валя почувствовала, что больше не сердится на нее. Ей захотелось поделиться, чтобы ее выслушали и похвалили за принятое решение.

– Иду я, значит, домой, – с увлечением начала она, – и тут соображаю, что неплохо бы в магазин заскочить.

– В магазин заскочить, – ворчливо перебила Евгения Гавриловна, – а говорила, денег нет!

– Да я только хлеба буханку и сладенького к чаю, – беззлобно пояснила Валя, – вы не перебивайте, не то я что-нибудь спутаю. Ну и вот, спрашиваю у тетки, где здесь гастроном поприличней. Она мне и указала эту самую «Надежду». Я туда зашла, все купила, что надо, а когда уходить собралась, глядь: объявление висит. Нужен, мол, продавец. Ну, я ноги в руки – и обратно. К охраннику – так и так, возьмите на работу. Тот меня с одной дамой свел, шикарная такая, ногти у нее обалденные, да и на внешность ничего. Она меня отвела к хозяину магазина. Нерусский он какой-то, зовут Муртаз Аббасович. Грузин, наверное.

– Никакой не грузин, – с уверенностью произнесла тетка, – самый настоящий азербайджанец.

– Вы откуда знаете?

– Знаю. Поклонник один у меня был родом из Баку. У него брата Аббасом звали. И вот что я тебе скажу, девонька, – напрасно ты радуешься.

– Почему? – Валя удивленно округлила глаза.

– По району об этом магазине дурная слава идет. Сам-то универсам хороший, спору нет, и товары в нем стоящие. А вот директор – лютый зверь. Набирает на работу молодежь без прописки, заставляет пахать, как на каторге, чуть что – штрафует, а то и увольняет. Так что недолго ты протянешь у него: либо сама уйдешь, либо вытурят тебя к чертовой бабушке.

– Ни за что не уйду, – твердо проговорила Валя, упрямо вскидывая голову, – и уж точно никто меня не вытурит. Что-что, а работать я умею, привычная.

– Посмотрим, – поджав губы, произнесла Евгения Гавриловна и, кинув взгляд на стоящую на столе пустую чашку, строго велела: – Убери и крошки за собой вытри.

Валя взяла чашку и поплелась в кухню, от души жалея, что доверилась тетке. Не получится у них дружбы, как ни пытайся. Та будто специально ищет, к чему бы придраться, все ей плохо, ничем не угодишь.

«Ну и бог с ней, – решила она, – стоит расстраиваться из-за таких пустяков! Посмотрим, что эта злыдня запоет, когда я через месяц заявлюсь домой в новой блузке».

4

Евгения Гавриловна никуда больше не ушла – очевидно, ее работа на сегодня была закончена, или она специально отпросилась пораньше, чтобы проконтролировать незваную гостью. Так или иначе, Валя не стала спрашивать тетку о причине ее возвращения домой посреди бела дня просто потому, что ей не хотелось лишней раз заговаривать с ней.

Она еще немного посидела в квартире перед включенным в половинную громкость телевизором, послушала сногшибательные заявления Петруши, потом потихоньку вышла и, разыскав поблизости почту, позвонила в Ульяновск.

Матери дома не оказалось, трубку взяла одна из младших близняшек, семилетняя Маринка. Услышав голос сестры, она радостно завопила:

– Але, Валь, это ты? А мы по тебе скучаем! Ирка тебе письмо написала, завтра утром отправит.

– Ладно, пускай отправляет, – милостиво разрешила Валя и осторожно поинтересовалась: – Родители еще не пришли?

– Папка дома, – охотно ответила Маринка, – он и не уходил никуда, с утра поддатый лежит. А мамка на огород поехала, обещала завтра к вечеру вернуться.

Такой семейный расклад был для Вали вполне привычным, и она, удовлетворенно кивнув, строго приказала Маринке:

– Мама приедет, передашь ей, что я звонила. У меня все хорошо, с жильем проблем нет, и на работу я уже устроилась.

– Жвачки пришлешь? – тут же деловито осведомилась сестренка.

– Пришлю, когда денег заработаю. Ты смотри, не забудь передать, а то знаю я вас!

– Не забуду, – горячо заверила Маринка и прибавила с нежностью: – Я тебя целую.

– И я тебя. – Валя проглотила невесть откуда взявшийся в горле противный комок и, повесив трубку, оглянулась.

Вокруг был народ, чужие, равнодушные люди дожидались своей очереди к автоматам, сидя за столами, заполняли почтовые бланки, разговаривали, читали газеты. Никому не было дела до одинокой приезжей девчонки, и если бы в это мгновение Валя вдруг провалилась сквозь землю, никто бы этого даже не заметил.

Ей стало ужасно тоскливо, как не было, когда она покидала Ульяновск. Отчетливо вспомнилось лицо матери, всегда доброе, спокойное, с едва заметными морщинками в уголках глаз, натруженные, но все равно мягкие и ласковые руки, голос, грудной и певучий. В молодости Нина была знатной певуньей, и до сих пор в праздники, слегка захмелев, она дивным контрально выводила грустные, задушевные мелодии любимых застольных песен.

Валя вздохнула, прогоняя видение, вышла из кабинки и вернулась домой.

Так незаметно подкрался вечер. Ровно в девять Евгения Гавриловна расстелила диван, а Вале достала с антресолей раскладушку, ватный матрас и выдала стопку свежего, но старенького белья.

– Стели и ложись, – тоном, не терпящим возражений, велела она.

– Рано еще, – попробовала побороться за свои права Валя. – Мы дома до десяти не спим.

– Это дома, – брюзгливо парировала тетка, – а здесь я всему голова. Как скажу, так и будет.

Ничего не оставалось, как подчиниться этому наглому диктату. Валя поставила раскладушку у шкафа, положила на нее матрас, покрыла его простыней. Не успела она надеть подушку в наволочку, как Евгения Гавриловна потушила верхний свет, оставив гореть лишь тусклый ночничок в форме китайского фонарика.

– Нечего возиться, – объяснила она свои действия, – подъем завтра в шесть тридцать. Доброй ночи. – С этими словами тетка, кряхтя, забралась на диван, натянула на голову одеяло и буквально через секунду захрапела, мерно и громко.

Валя в темноте достелила кровать, потом тихонько, на цыпочках вышла из комнаты и пробралась в ванную. Стоя под душем, она думала о завтрашнем дне. Интересно, какие там, в отделе, девчонки? Нормальные или стервы? Тетка сказала, что в универсаме работает полно приезжих, стало быть, к Вале должны отнестись по-свойски, без зазнайства и пренебрежения. Наверняка и подружка вскорости заведется, будет с кем развлекаться по выходным.

Валя с сожалением вспомнила своих ульяновских школьных подруг, разлетевшихся за лето кто куда. Одна из них, Машка Булькина, умудрилась поступить в Москве в институт экономики и управления. Нужно будет как-нибудь навеститься к ней в общежитие, да только у Машки, поди, теперь мало времени найдется для старых друзей.

Размышляя подобным образом, Валя закончила мыться, накрепко завернула оба крана, тщательно вытерла маленькую лужицу на полу, набрызганную неисправным шлангом, и, вернувшись в комнату, нырнула в постель.

Сон долго не шел. Перед глазами все мелькали шумные столичные улицы, шикарные иномарки, красочные вывески, отремонтированные фасады домов, раскованные, модно и дорого одетые люди.

Чтобы отвлечься и победить возбуждение, Валя попробовала считать про себя: медленно, ритмично, через равные промежутки времени. Она досчитала до двухсот тридцати пяти и наконец уснула крепко, без сновидений, уютно свернувшись на низенькой скрипучей раскладушке под ветхим шерстяным одеялом.

5

Едва рассвело, громко зазвонил будильник. Спросонья Валя сунула голову под подушку, но резкий голос Евгении Гавриловны безжалостно выдернул ее из сладкой полудремы:

– Вставай, красавица. Прохлаждаться некогда.

«Старая ты карга!» – в сердцах подумала Валя, открывая глаза. Ну что стоило этой вредине дать ей поспать еще часок? Так нет, орет тут под ухом, будто на пожаре.

Часы показывали ровно шесть тридцать. Попугай молчал, как рыба, наглухо прикрытый темным платком в своей клетке. Валя зевнула и принялась одеваться.

– На завтрак яичница, – сообщила Евгения Гавриловна. Она уже успела сложить диван и теперь, держа во рту шпильки, скручивала перед зеркалом жидкий пучок из пегих волос.

Валя тоже принялась за косу: расплела ее, тщательно расчесала пряди от корешков до самых кончиков, затем заплела заново, перехватив внизу алой резинкой.

Обернувшись, она заметила, что тетка внимательно наблюдает за ее действиями. Та, поймав взгляд, кисло улыбнулась:

– Коса у тебя добрая. Гляди, не стрижи – а то здесь девки чего только не придумывают с волосами: и красят в разные цвета, и бреют почти наголо. Страсть, да и только.

– Нет, я стрижусь не собираюсь. – Валя решительно помотала головой. – Я с самого садика ни разу не стриглась. И у Таньки нашей такая же коса, и у Ирки с Маринкой.

– Это что же, все сестры твои? – любопытствовала Евгения Гавриловна.

– Сестры, – подтвердила Валя, – средней одиннадцатый пошел, а младшим по семь. Они близняшки.

– Вон сколько нарожала мамаша твоя. И зачем, спрашивается? Кормить-то не на что. – В теткинском тоне звучало явное осуждение.

Вале тут же сделалось обидно за мать. Как это так – зачем нарожала? Если бог дал – грех не родить. Сама она собиралась в отдаленном будущем занять не меньше троих ребятишек, и непременно одного из них мальчика, чтобы порадовать отца, так и не дождавшегося сына.

Евгения Гавриловна заприметила ее молчаливую обиду, прервала разговор и ушла на кухню. Валя освободила раскладушку, сложила ее и сунула за шкаф, а постель убрала в нижний ящик комода, как велела тетка. Затем она подошла к клетке и сдернула с нее платок.

– Добр-рое утр-ро! – тотчас взбодрился Петруша.

– Привет, – поздоровалась с ним Валя.

Попугай слетел с жердочки, на которой спал, и принялся клевать из кормушки семечки.

– Пойду и я позавтракаю, – сказала ему девушка.

На этот раз она ела с хлебом, а к чаю у нее осталось целых два куса пастилы. Тетка демонстративно не притронулась к ее продуктам, нарезала собственный батон, выложила на блюдечко комочек подсолнечной халвы. Угощать Валу и не подумала, съела все до крошки, кинула тарелки в раковину.

– Помоешь!

Валя почувствовала себя настоящей Золушкой при злой, несправедливой мачехе. Зачем говорить таким тоном – и без того она никогда не оставит посуду грязной.

– Слышишь меня? – нетерпеливо произнесла Евгения Гавриловна.

– Слышу, не глухая, – буркнула Валя и тут же пожалела, что сорвалась. Надо молчать, все сносить. Кто она тут такая? Живет Христа ради, в любой момент тетка может ее турнуть. Значит, нужно смириться и терпеть, пока не будет денег на то, чтобы уехать.

Евгения Гавриловна ничего не сказала, ушла из кухни в комнату. Минут десять возилась там, затем хлопнула входная дверь. Валя облегченно вздохнула и взялась за посуду.

Ровно в половине девятого она вышла из дома. Утро было пасмурным, накрапывал мелкий дождик. Валя не стала раскрывать зонтик, брела по тротуару не спеша, подставив лицо под прохладные капли. В кармане легкой болоньевой курточки лежали паспорт и трудовая книжка.

Универсам еще не открылся, но внутри уже был народ. Через стеклянные двери Валя увидела вчерашнего охранника. Он оживленно беседовал с хорошенькой миниатюрной шатенкой в короткой юбке и остроносых туфельках на шпильке.

Валя тихонько постучала по стеклу. Парень обернулся, заметил ее и указал пальцем куда-то вбок. Ничего не поняв, Валя недоуменно пожала плечами.

Охранник приблизился к дверям и, сложив ладони рупором, прокричал:

– Зайди через служебный вход!

– А где он? – крикнула в ответ Валя.

– Там. – Парень снова махнул рукой в сторону.

– Ясно. – Валя обошла здание слева и очутилась у другой двери. Она была открыта. Совсем рядом стоял грузовик, из которого двое мужиков выгружали ящики с хлебом.

– Посторонись! – рявкнул один из них. – Не то косу оторвем!

Валя строго глянула на шутника. Он был совсем молодой, может, на пару годков постарше ее самой, некрасивый, весь в рыжих веснушках, но веселый и обаятельный. Прикольный, как сейчас говорят.

– Как звать? – поймав ее взгляд, поинтересовался паренек.

– Валентиной. А тебя?

– Меня Валеркой. Работать тут будешь?

– Да.

– Небось в колбасном? – догадался грузчик.

– Там.

– Пойдешь вечером в кабак? Я угощаю.

– Посмотрим, – уклончиво ответила Валя.

Она не собиралась с ходу заводить близкие знакомства. Во всем нужно знать толк, и нечего бросаться за первым, что идет в руки. Однако парнишка ей понравился – даром что страшенький, зато не жадный. Пожалуй, с таким можно будет провести вечер, но только не сегодняшний.

– Ну смотри, смотри, – хитро усмехнулся Валерка и понес ящик с булками в дверь.

Валя зашла вслед за ним и сразу же наткнулась на Люсю. Та стояла, держа в руках раскрытую пудреницу, и обводила губы ультрамодной помадой.

– А, вот и ты, – узнала она девушку, – рановато явилась, но это хорошо. Документы с собой?

Валя кивнула.

– Прекрасно. Муртаза Аббасовича пока что нет, мы твои бумаги отдадим Лиде, это наш секретарь. Она снимет копию с паспорта и выпишет тебе медицинскую книжку. На днях съездишь в поликлинику, пройдешь необходимых врачей. Полиса не надо, у Муртаза Аббасовича там договоренность. Ясно?

– Да.

– Тогда идем. – Люся, как накануне, подхватила Валю под локоть и потащила за собой по узким, извилистым коридорам.

Вокруг громоздились бесчисленные ящики, терпко и вкусно пахло чесноком и солеными огурцами.

– Сюда. – Люся завела Валю в небольшую светлую комнатку, где у включенного компьютера сидела полная некрасивая женщина с обрюзгшим серым лицом и носом уточкой.

– Доброе утро, Лидочка, – лучезарно улыбнулась Люся.

Серолицая в ответ слегка наклонила голову.

– Вот, эта девушка теперь у нас будет работать. Ты оформи ей все, что нужно, а потом Муртаз Аббасович заберет ее трудовую. Ладно?

– Давайте документы, – проговорила секретарша. Голос у нее был такой же тусклый и серый, как и лицо.

Валя вынула из кармана куртки полиэтиленовый сверток и протянула его женщине. Та извлекла оттуда паспорт, раскрыла, быстро пролистала страницы, цепким, опытным взглядом осмотрела фотографию.

– Можете идти, копию я сниму. За паспортом зайдете вечером. Книжка к тому времени тоже будет готова.

– Лидочка, ты ангел, – с благодарностью пропела Люся и, не моргнув глазом, добавила: – А выглядишь просто супер! Пошли. – Последнее адресовалось уже Вале.

Покинув секретарскую, Люся наклонилась к ее уху и, сильно понизив голос, произнесла назидательным тоном:

– Советую с ней не ссориться. Себе дороже будет.

– С кем? С этой Лидочкой? – удивилась Валя. Ей трудно было представить существо более безобидное, чем эта неуклюжая, толстая клуша с увядшей, нездоровой кожей.

Люся многозначительно хмыкнула.

– Ну, для тебя она, пожалуй, будет не Лидочка, а Лидия Александровна, впрочем, как и я – Людмила Ивановна. Но суть не в этом.

– А в чем? – наивно поинтересовалась Валя.

– А ты не понимаешь? – Люся насмешливо прищурилась. – Эх ты, молодо-зелено. Лидка у нас в магазине первый человек, Муртаз Аббасович ее сильно... уважает. – Она выразительно подчеркнула последнее слово.

– За что уважает? – не уловив интонации, спросила Валя.

– Вот дура! – рассердилась та. – Любовница она его, сечешь или нет?

– Она? Любовница? – не веря собственным ушам, воскликнула Валя. Люся поспешно прикрыла ей рот ладонью.

– Тише ты, идиотка, там, за дверью, все слышно. Да, любовница. Хозяину именно такие и нравятся, чтобы в теле и возраст не слишком молодой.

– Да ведь у нее ни рожи, ни кожи! – шепотом возмутилась Валя.

– Много ты понимаешь в рожах, – с усмешкой проговорила Люся. – Все, ладно, хватит треп разводиться. Магазин уже открывается. Пойдем, познакомлю тебя с напарницами, они тебя и учить всему будут. Только нужно форму надеть, у нас с этим строго.

Через десять минут Валя в симпатичном голубеньком фартучке и такой же косынке уже стояла за прилавком колбасного отдела. Высокая, черноглазая и чернобровая женщина лет сорока пяти терпеливо и спокойно объясняла ей, как пользоваться машинкой для нарезки. Ее звали Зоя Васильевна, она исполняла в отделе обязанности старшего продавца.

– Вот, глянь. Берешь батон, делаешь два надреза, здесь и здесь. Снимаешь оболочку. Потом кладешь колбасу на доску и вот так. – Продавщица умело запустила аппарат. С другой стороны доски на лоточке один за другим стали появляться аккуратные округлые кусочки.

– Видишь, как просто? – Зоя Васильевна вытащила наполнившийся лоток, затянула его пленкой и, кинув на электронные весы, нажала на кнопку. Тут же из прорези выскочил ценник с указанием веса продукта и его стоимости. Зоя Васильевна приклеила его на целлофан и протянула лоток Вале. – Вот и вся наука. Хочешь попробовать сама?

– Хочу. – Валя решительно потянулась за остатком батона, но Зоя Васильевна поспешно перехватила ее руку.

– Э, нет, погоди. Первый блин всегда комом, так я тебе, чтобы уродовать, другую колбасу дам, просроченную. – Она сбегала в подсобку и принесла новый батон, по виду ничем не отличавшийся от того, на который покусилась Валя. – Видишь, срок реализации – до пятна-

дцатого августа, а сегодня уже двадцать второе. Мы несвежим товаром не торгуем. – В голосе продавщицы прозвучала гордость.

Валя взяла колбасу, в мгновение ока очистила шкурку и, сунув в машинку, принялась нарезать. Зоя Васильевна стояла рядом и мягко подбадривала ее:

– Так, так. Хорошо. Все получается, главное, не отвлекайся. – Она поднесла готовый лоток к глазам и придирчиво осмотрела куски. – Ничего для первого раза. Многие куда хуже режут. Молодчина, ловкая девочка. Теперь порежь еще самостоятельно, а я пока отойду.

Зоя Васильевна принесла Вале еще батончиков пять просроченной колбасы, на самом деле абсолютно свежей. Девушка устроилась в углу, за крайней машинкой, и взялась за дело с утренним рвением. Ей непременно хотелось уже сегодня начать обслуживать покупателей.

Однако пришлось смирить свое нетерпение. Вернувшись минут через сорок, Зоя Васильевна оглядела аккуратно упакованные лоточки и, удовлетворенно кивнув, произнесла:

– А теперь сядь и понаблюдай, как работают девочки. Заодно приглядишься к названиям и сортам изделий. Да, и, главное, не стесняйся спрашивать, если что-то непонятно – тебе любой ответит.

Она снова исчезла. Валя со вздохом выполнила приказание и села на стоявшую рядом шаткую сосновую табуретку, с любопытством оглядываясь по сторонам. Народу еще было немного, и в отделе работали всего три продавщицы. У той, что находилась к ней ближе всех, молоденькой, коротко стриженной блондинки, на груди висел бейджик «Марина». Девушка ловко взвешивала сосиски и ветчину, нарезала колбасные батончики и время от времени молчаливо косилась на новенькую. Валя наконец решилась с ней заговорить.

– Привет, – негромко сказала она, – меня зовут Валя. Тебе сколько лет?

– Двадцать, – коротко ответила Марина и выхватила с витрины длинную сосисочную гирлянду.

– Давно здесь работаешь?

– Четвертый месяц.

– Ну и как? Ничего?

– Тяжело, – так же тихо и бесстрастно проговорила девушка, взвешивая сосиски, – сейчас-то что, покупателей почти нет. Это конфетки. А вот ближе к обеду, да потом, с пяти до семи, такое начнет твориться – в туалет не сходишь.

– А платят исправно? – озабоченно поинтересовалась Валя.

Марина невесело усмехнулась.

– Платить-то платят. Да только штрафы эти проклятые насмерть душат. За все штрафы – за опоздание, за то, что не так посмотрела на покупателя, за малейшую ошибку. А как не ошибиться, когда к вечеру в глазах рябит от этой колбасы!

– Чего ж тогда ты отсюда не уйдешь? – спросила Валя, в глубине души уверенная в том, что драконовские меры хозяина ее не коснутся: она-то не будет опаздывать, а тем более ошибаться.

– А куда уйдешь-то? – со вздохом произнесла Марина. – Я ж не москвичка, прописки у меня нет, комнату в общежитии снимаю. Так просто нигде не устроишься, нужно терпеть. Вот подкоплю побольше опыта, может, перейду в «Перекресток», там, говорят, зарплата в полтора раза выше.

– Девушки! – раздался от прилавка капризный и требовательный женский голос. – Может, хватит болтать на рабочем месте? Народу раз два и обчелся, а вы заставляете покупателей ждать.

Валя и Марина, как по команде, вздрогнули и подняли глаза. За витриной стояла низенькая крашеная тетка с корзинкой и с неприязнью смотрела на них.

– Простите, пожалуйста, – извиняющимся голосом произнесла Марина, – что вы хотели?

– Мне полкило «Вегуса» в нарезке и грамм триста молочных сосисок, – потребовала тетка.

– Сейчас. – Марина принялась поспешно выполнять заказ. Пока она резала колбасу, Валя потихоньку вытащила с витрины сосиски, завесила их и, упаковав в пакет, приклеила ярлык. Тетке они протянули товар почти одновременно.

– Молодежь! – ворчливо заметила та, беря покупки. – Все-то вас учить надо, чтобы не лодырничали!

Марина дождалась, пока она ушла, и, обернувшись к Вале, проговорила трагическим шепотом:

– Ну, что я тебе говорила? И так каждый день: не только рот раскрыть, а вздохнуть некогда. Хорошо еще, что жаловаться не побежала, а то чуть что, они к Людмиле Ивановне идут или к Галине.

– А кто они такие, Людмила Ивановна и Галина?

– Менеджеры по работе с клиентами. Людмила Ивановна еще и персоналом занимается. Тебя вот кто сюда принимал?

– Она.

– И меня. Ничего себе женщина, душевная. Галка, вот та настоящая стерва. Всегда под монастырь подведет, даже если ты ни в чем не виновата. Да вон она, собственной персоной. – Марина махнула рукой в зал. Валя увидела ту самую хрупкую девушку в мини, с которой утром оживленно болтал охранник.

– Такая молодая? – удивилась она.

– Да ты что, молодая! – возмутилась Марина. – Ей уже двадцать восемь.

– А выглядит на восемнадцать. Красивая. – Валя завистливо поедала взглядом наделенную административными полномочиями девицу.

– Будешь красивой, если каждый день бегать по массажным кабинетам да по соляриям. Ты на прическу ее глянь, баксов сто стоит.

– Когда же она все успевает? – изумилась Валя.

– А чего ей не успевать? – недобро усмехнулась Марина. – Она ж колбасу не вешает! Опять же, мамаша ее тут на теплом месте. Секретарша наша, Лидия Александровна. Галька у нее под крылышком, как сыр в масле. Только и делает, что пакостит всем да любовников меняет, как перчатки. Ей все можно, только нам ничего нельзя. Сейчас вот с Пашей мутит, не знаю, надолго ль.

Галина, будто услышав, что разговор идет о ней, наострила уши и обернула к колбасному прилавку хорошенькое острое личико. Взгляд ее уперся напрямиком в Валу. Она подняла тонкие бровки, постояла немного, а затем подошла к ним.

– Здравствуйте, Галина Вячеславовна, – чинно поздоровалась с ней Марина.

– Доброе утро, Мариша. У вас новенькая, гляжу. Как зовут?

– Колесникова, Валентина, – представилась та, стараясь говорить хоть и вежливо, но с достоинством, не заискивая.

– Уже работаешь? – сладко осведомилась менеджер.

– Пытаюсь.

– Умница, – похвалила Галина и, покосившись на сосредоточенную Марину, произнесла фальшиво ласково: – Что-то ты хмурая, Мариночка. Не приболела ли?

– Нет, Галина Вячеславовна, все в порядке.

– И голова не болит? – продолжала лить патоку Галина.

– Говорю же, нет.

– Ну-ну. – Менеджер понимающе покивала. – А то помнишь, третьего дня, когда ты мужчине вместо семисот грамм «ливерной» двести завесила – тогда головка-то «бо-бо» была. Верно?

– Верно, – совсем тихо, себе под нос буркнула продавщица.

– Вот я и решила, может, сейчас тоже что-нибудь? А то, вижу, покупательница ушла из вашего отдела недовольная, просто жуть. Как бы жалобу не написала.

Марина уже и не пыталась отвечать, стояла, молча опустив глаза, и теребила подол фартука. Вале стало ее ужасно жалко. Точно ведь, стерва эта Галька! Всю душу из человека вынет!

Она уже открыла рот, чтобы сказать что-нибудь колкое, но вовремя опомнилась. Да что ж это с ней! Сегодня утром нагрубил тетке, сейчас собралась ссориться с начальством. Ее ведь даже на работу толком не приняли, в любую секунду могут выгнать.

Галина между тем, добившись того, чего хотела – полной подавленности и страха, – еще раз медово улыбнулась и отошла от прилавка.

– Слава тебе господи! – Марина незаметно перекрестилась. – Значит, она все видела и слышала: и как мы с тобой болтали, и как баба та взъерепенилась.

– Да ладно тебе переживать, – попробовала успокоить новую подругу Валя, – увидишь, все обойдется.

– Твоими бы устами да мед пить, – грустно проговорила Марина и подошла к очередному покупателю. – Что желаете?

Вале стало скучно. Прошло уже полтора часа, как она торчит в отделе, а дела настоящего нет. И куда подевалась Зоя Васильевна? Можно уже обслуживать покупателей или надо дальше сидеть как чурбан, глазеть на эту пессимистку Маринку?

Не успела она это подумать, как позади раздался знакомый спокойный голос:

– Вот и я. Заждалась, поди? Как успехи?

Зоя Васильевна стояла рядом и улыбалась мягко, по-доброму, чем-то напоминая Нину. Валя тоже улыбнулась в ответ.

– Все хорошо. Могу я поработать самостоятельно?

– Теперь, думаю, можешь. Пройди вот сюда. – Зоя Васильевна вывела ее из угла и поставила между Мариной и другой девушкой, веселой, рыжеватой толстушкой. – Мариша, Вера, следите за новенькой. Пусть она будет у вас на подхвате.

– Проследим! – задорно пообещала толстушка и ехидно подмигнула Вале. – Чего зеваешь? Вон твой покупатель.

У прилавка действительно стоял пожилой мужчина приятной наружности, с седым ежиком волос и добродушным загорелым лицом.

– Здравствуйте! – в тридцать два зуба улыбнулась ему Валя. – Чего желаете?

– Доброе утро, девушка, – приветливо проговорил загорелый, – мне, пожалуйста, полкило краковской, и порежьте, если вас не затруднит.

«Ого, какой!» – с восторгом подумала Валя и, перекинув косу за плечо, весело прощбетала:

– Что вы, конечно, не затруднит. Это же наша работа. Сейчас все сделаем в лучшем виде. За ее спиной насмешливо хмыкнула Вера. Валя обернулась, сердито сверкнув глазами.

– Ты что?

– Я ничего. – Та невозмутимо пожала плечами.

– А чего фыркаешь?

– Да это я чихнула. Насморк одолел.

Валя смерила ее уничтожающим взглядом и занялась краковской. Через пару минут она с сияющей улыбкой подала загорелому лоток.

– Вот, пожалуйста. Приятного вам аппетита.

– Большое спасибо, – поблагодарил мужчина и, положив колбасу в корзинку, двинулся к соседнему прилавку.

На его месте оказалась молодая краснощекая женщина. У ее ног вертелся малыш лет четырех, из-за прилавка виднелась лишь его стриженная макушка.

– Девушка, мне венских сосисок триста грамм и окорок.

– Нарезать? – с готовностью поинтересовалась Валя.

– Нет, не надо. Миша, не трогай стекло руками, оно может разбиться! – Женщина дернула ребенка за рукав.

Тот тут же отчаянно заревел. Краснощекая принялась его увещевать вполголоса:

– Ой, как стыдно! Что тетя о тебе подумает? Вот сейчас нас как выгонят из магазина!

– Не выго-онят! – орал пацаненок. – Не вы-ыго-онят!!

– Не выгоню, не выгоню, – успокоила малыша Валя, – гляди, какие сосиски красивые, длинненькие. Сейчас я тебе их взвешу и положу в пакетик. А ты их сам понесешь. Хорошо?

Ребенок затих и посмотрел на Валю удивленными, полными слез глазами.

– Хорошо? – еще ласковой повторила та.

– Холосо. – Малыш звучно шмыгнул носом и протянул ручонку. – Давай капет.

– Не капет, а пакет, – засмеялась Валя, – подожди чуть-чуть.

Она быстро завесила сосиски и окорок, отдала один сверток матери, а другой ребенку.

– Спасибо, – искренне поблагодарила краснощекая. – Он такой капризуля, хоть вообще с ним в магазин не ходи.

Они ушли. Больше за прилавком никого не было.

– Тебе бы воспитателем работать в садике, – насмешливо проговорила Вера, – смотри, какой у тебя подход к этим соплякам.

– Было бы у тебя три младших сестры, тоже бы имела подход, – сухо ответила Валя.

– А у тебя три сестры? – оживилась Вера.

– Да. Одной десять, а младшим по семь.

– Двойняшки? – догадалась Вера и прибавила уже другим, свойским тоном: – Я сама двойняшка. Только у меня брат. На четыре минуты младше.

Валя смотрела на девчонку без прежней настороженности. Честно говоря, она нравилась ей куда больше, чем затюканная, тихая Маринка. За словом в карман не полезет, зато с такими весело.

– Здесь есть обеденный перерыв? – спросила Валя, чтобы поддержать завязавшийся разговор.

– Есть, но обедают все по очереди, чтобы не оставлять покупателей без обслуживания. А ты поболтать хотела? – проявила проницательность Вера.

– Хотела, – призналась Валя.

Она действительно страстно нуждалась в общении. Шутка ли сказать – со вчерашнего утра ей довелось произнести не более трех десятков слов. Это было ужасно мучительно для человека, который привык стрекотать без умолку и всегда находиться в гуще событий.

Надежда на общение с теткой отпала у Вали еще вчера утром. Получалось, магазин отныне являлся для нее единственным местом, где она могла наговориться всласть.

– Ладно, – успокоительно проговорила Вера, глядя на огорченную физиономию новенькой, – не расстраивайся. Успеем потрепаться и во время работы. Тут главное – держать ухо востро, чтобы никого из начальства рядом не было. А покупатели и подождать могут, не баре.

Такой подход к делу Валю весьма обрадовал. Она продолжала обслуживать очередь, но теперь ее внимание было равномерно поделено между людьми по ту сторону витрины и Верой, работающей рядом в поте лица. Девушки оживленно, хоть и вполголоса переговаривались.

Оказалось, что Вера – коренная москвичка, причем живет поблизости от дома Евгении Гавриловны, она в позапрошлом году окончила школу, поступала в торговый, но провалилась. Родители устроили ее в «Надежду», и с тех пор она тут.

– Уходить не собираюсь, – сообщила Вера, – мне здесь нравится. Это пусть Маринка ищет, где покруче, она у нас все мечтает о тридевятом царстве, тридесятом государстве. А нам с Катюшей, – она кивнула на третью девушку, нарезавшую колбасу чуть поодаль, – у Муртаза

в самый раз. И ты привыкнешь, я же вижу, ты крепенькая, не из нервных. – Вера дружески похлопала Валу по плечу.

Они еще поболтали о том о сем, обсудили личную жизнь, а вернее, отсутствие таковой, и наконец сговорились после работы посидеть в баре напротив универсама.

– Я угощаю, – великодушно пообещала Вера.

Валя с охотой кивнула.

Марина, отлично слышавшая всю беседу и явно обиженная на то, что ее, по негласному соглашению, исключили из компании, с ожесточением орудовала машинкой, время от времени бросая на сослуживиц уничтожающие взгляды.

Незаметно приблизился обед. Народу в зале прибавилось, у прилавка с колбасами уже теснились, дыша друг другу в затылок, человек пятнадцать, если не больше. Валя и Вера теперь не успевали переговариваться, каждая, едва обслужив одного покупателя, тотчас переходила к следующему. К девушкам присоединилась Зоя Васильевна и еще одна продавщица, рябая, востроносая девица с давно не мытыми, сальными волосами. Ее звали Альбина, говорила она с заметным акцентом – Валя долго прислушивалась и все не могла понять, с каким. Наконец она не выдержала и спросила об этом Веру.

– С Карпат, молдаванка, – пояснила та, – беженцы они, всей семьей сюда приехали. Там у них детей мал мала меньше, вот Альбинка и пашет за всех, чтобы хоть как-то прокормить эту ораву. Мать-то у нее инвалид.

Альбина, почувствовав, что ее обсуждают, нервным жестом пригладила и без того прилизанную голову, втянула ее в плечи. «Небось такая же трусиха, как Маринка», – решила про себя Валя, хотя Альбина почему-то внушала ей больше симпатии.

Она выпрямилась, давая секундный отдых уставшей спине.

– Девочки, – негромко проговорила Зоя Васильевна, – ступайте перекусите. Сначала ты, Валуша, потом Мариша. Вера, ты пойдешь последней, не возражаешь?

– Ничуть, – беззаботно отозвалась та, хотя Валя отчетливо видела, что та устала не меньше ее.

Сама она была рада сделать передышку – от сосисок и колбас уже рябило в глазах, руки с непривычки дрожали. Валя отошла от машинки, сняла целлофановые перчатки и направилась в подсобку.

– У тебя полчаса, – сказала ей вслед Зоя Васильевна.

Валя кивнула и юркнула за дверь. Первое, что она увидела в коридоре, был старый венский стул. Он оказался как нельзя кстати. Валя, не раздумывая, плюхнулась на него, с наслаждением вытягивая измученные трехчасовым стоянием ноги. Есть не хотелось, а вот пить ужасно.

«Посижу чуть-чуть и вскипячу себе чаю, – решила она. – Наверняка тут имеется чайник, а заварку у кого-нибудь одолжу».

Мимо прошел давешний рыжий грузчик, Валера, неся за плечами огромный мешок с картошкой. Увидев Валу, он хитро подмигнул.

– Отдыхаем?

– Отдыхаем.

– А чего ж не обедаешь?

– Аппетита нет.

– Непорядок, – усмехнулся Валера, – с такими щечками, как у тебя, аппетит должен быть отменный. – Он приостановился, спустил мешок на пол и деликатно поинтересовался: – Может, у тебя того... средств нет? Так ты скажи, не стесняйся, я одолжу. С получки отдашь.

– Спасибо, Валер, со средствами у меня все о'кей, – соврала Валя. Ей не хотелось посвящать парня в свои проблемы: пока что он ей никто – ни сват, ни брат.

– Ну, как знаешь, – легко согласился тот, снова подхватывая мешок. – А насчет вечерочка не забудь, думай быстрее. А то я другую найду, поговорчивей. – Он засмеялся и скрылся за поворотом коридора.

Валя посидела еще немного, потом зашла в комнату отдыха, поставила чайник и, позаимствовав пакетик «Пикквика» у обедавшей там кассирши, сделала себе стакан крепкого чая. Та же кассирша угостила ее бутербродом с сыром, от которого Валя не отказалась, сочтя, что одалживаться у женщины совсем не то же, что у мужика, имеющего на тебя явные виды.

После этого она почувствовала себя бодрой, отдохнувшей и вернулась в зал на пять минут раньше позволенного срока. Марина, едва заметив ее, тут же покинула свое место и двинулась в подсобку.

– Ну что, подкрепились? – с улыбкой осведомилась Вера.

– Вполне, – ответила Валя, умалчивая, что ее рацион составил лишь стакан чая с бутербродом.

– Ходила куда-нибудь или с собой еду брала?

– С собой.

– А я в кафешку смотаюсь, – мечтательно произнесла Вера, – тут совсем рядышком отличная забегаловка. За полтинник запросто можно перекусить.

«Ничего себе, за полтинник», – с ужасом подумала Валя, прикидывая в уме, в какую сумму выльется такой ежедневный перекус. За неделю выходило почти четыреста рэ, а в месяц, стало быть, больше полутора тысяч, почти треть от зарплаты. «Нет уж, – сказала она себе. – Я и чаем с бутербродом обойдусь. И вовсе незачем быть такой пампушкой, как эта Верка».

– О чем задумалась, Валентина? – мягко спросила Зоя Васильевна. – Устала?

– Нет.

– Тогда работай. Вон, очередь ждет.

Валя кивнула и поспешила к очередному покупателю.

К концу дня у нее немного болела голова, но в целом она чувствовала себя сносно. Они с Верой повесили в шкаф форменную одежду, вместе зашли в секретарскую, забрали паспорт, новенькую, пока что совершенно пустую медкнижку и, как договаривались, пошли в бар.

Верка заказала два лимонных коктейля и пачку соленого миндаля. Девушки устроились за уютным столиком возле окна. Напротив сидела какая-то изрядно подвыпившая компания, в основном парни лет двадцати – двадцати пяти. Была среди них и пара девушек, довольно потасканного вида, беспрестанно дымивших сигаретами. Глядя на них, Вера тоже достала пачку «Кента» и зажигалку.

– Ты куришь? – спросила она, с видимым удовольствием делая глубокую затяжку.

– Нет. А ты разве куришь? – Валя с удивлением глядела на подругу: за весь день она ни разу не заметила, чтобы в руках той была сигарета.

– В том-то и беда, – с сожалением ответила Верка, – у нас в зале курить запрещено. Приходится дожидаться перерыва. – Она сморщила скорбную мину и тут же хитро ухмыльнулась. – Правда, я все равно пару раз за день убегаю, когда никто не видит. Сегодня вот только с тобой заговорила и время упустила. Ты попробуй, хорошие сигареты. – Вера протянула Вале пачку.

Та нехотя взяла сигарету, прикурила от Вериной, вдохнула едкий горьковатый табачный дух.

– Неужели никогда не баловалась? – изумилась Вера, глядя, как Валя давится кашлем.

– Мне мама не разрешала, – виновато призналась та.

– Подумаешь, «мама»! – Вера презрительно подняла аккуратный носик. – Давай учись, а то будешь как белая ворона.

– Научусь, – пообещала Валя, мужественно глотая дым.

– Вот, уже лучше, – одобрительно произнесла Вера, потягивая из трубочки коктейль.

Они просидели минут сорок, беспечно болтая о всякой всячине. Потом Верка вдруг спросила безо всякого перехода:

– Скажи, тебе нравится вон тот брюнет?

– Какой? – слегка опешила Валя.

– Ну вон сидит, справа. – Та кивнула на одинокого мужчину за столиком неподалеку. – По-моему, он классный. Пожалуй, я с ним познакомлюсь.

– Как, прямо так, сразу? – не поверила она.

– А чего церемониться? – захохотала Вера. – Смотри, малышка, как это делается. – Она встала из-за столика и, вилля бедрами, направилась к незнакомцу.

Валя с любопытством наблюдала, как Верка небрежным, царственным жестом отодвигает свободный стул, садится, вальяжно откинувшись на спинку и с вызовом глядя на незнакомца. Издалека ей было хорошо слышен их разговор.

– Приветик, – произнесла Вера вибрирующим, грудным голосом.

Брюнет посмотрел на нее с иронией.

– Здравствуй, коли не шутишь. – Тон его был лениво-снисходительный, а движения – замедленными и расслабленными, чувствовалось, что он прилично выпил, однако умеет держать себя в руках.

– Не шучу. – Вера игриво заглянула ему в лицо. – Потанцуем?

– Я не танцую. – Мужчина равнодушно пожал плечами.

– Тогда угостите даму коньяком, – нахально потребовала она.

– Это можно. – Брюнет плеснул из полупустой бутылки в свою стопку и пододвинул ее Верке. – Пей.

«Неужели она выпьет?» – Валию передернуло от омерзения.

Верка, однако, как ни в чем не бывало выдула стопку до дна.

– Ты здесь одна? – В глазах мужчины зажегся наконец интерес.

– С подругой. – Вера кивнула на столик, за которым осталась Валя, и незаметно подмигнула ей.

– Что ж это она скучает в одиночестве? – удивился мужик. – Непорядок. Зови ее сюда.

– Да она не пойдет, – засмеялась Верка, – слишком скромная.

Брюнет тоже усмехнулся.

– Зато ты, гляжу, без комплексов. Не хочешь поехать поразвлечься? Есть свободная хата.

– Далеко, что ли, ехать-то? – деловито осведомилась Верка.

– Десять минут. У меня тут тачка под окнами.

Она с сомнением оглядела нового знакомого и покачала головой:

– А ты газ с тормозом, часом, не перепутаешь?

– Не бойсь, – заверил брюнет, – домчим с ветерком.

– Ладно, уговорил. Я сей момент, пойду девушке прощальное слово скажу. – Верка встала, одергивая коротенькое платьице, задравшееся на ее полных ляжках, и вернулась к своему столику.

– Ты с ума сошла! – Валя крепко схватила подругу за руку. – Ехать в чужую квартиру на ночь глядя! Черт его знает, кто это такой, вдруг бандит? И вообще, ты ведешь себя как шлюха.

– Я и есть шлюха, дорогая, – весело проговорила Верка, спокойно отцепляя от себя Валины пальцы. Та смотрела на нее полными ужаса глазами.

– Вера, ты пьяна. Не соображаешь, что несешь!

– Детка, уймись. Я почти каждый вечер хожу сюда с одной целью – снять мужика. Не волнуйся, со мной ничего не случится. И хорошенько подумай – может, в следующий раз стоит и тебе подыскать что-нибудь подходящее?

Вера чмокнула ошеломленную Валю в щеку, измазав губной помадой, и, повернувшись на каблучках, поспешила к брюнету, уже успевшему расплатиться и поджидавшему ее у выхода.

«Вот это да!» – воскликнула про себя Валя. Ей немедленно захотелось покинуть бар, тем более что парни из шумной компании уже поглядывали в ее сторону с явным оживлением. Она почти бегом вышла из зала.

Спеша по стремительно темнеющим улицам, Валя во всех подробностях представляла себе, что скажет тетка на ее позднее появление дома. Правда, вчера она успела предупредить ее, что отныне будет работать до девяти, но сейчас уже шел одиннадцатый час.

Однако когда Валя отперла ключом дверь, в квартире царили мертвая тишина и темнота. Евгения Гавриловна давно спала, вовсе не думая дожидаться племянницу, а уж тем более волноваться за нее.

Валя потихоньку приняла душ, в крошечной мгле поставила раскладушку и легла. На этот раз сон сморил ее моментально – она даже не успела ни о чем подумать, как мысли в голове стали путаться и мешаться, а после и вовсе исчезли, все до одной.

6

Утром Евгения Гавриловна таки отчитала ее за вчерашнее опоздание, но, против ее ожиданий, сделала это без особой злости. Валя молча выслушала, покивала и убежала в магазин.

В отделе никто с ней больше не нянчился, Зоя Васильевна сразу же поставила ее на прежнее место, между Мариной и Верой, и спокойно удалилась по своим делам. Валя поглядывала на Веру – как она после пережитой бурной ночи, – однако та лишь лукаво ухмылялась.

Покупатели текли рекой, общаться почти не получалось. К обеду Валя уже зверски хотела есть. Сегодня она взяла деньги и, купив здесь же, в универсаме, пачку лапши и пирожок с капустой, уплела и то, и другое за обе щеки.

К концу дня Валя успела поссориться и помириться с Альбиной, получить похвалу от менеджера за высокий темп обслуживания, утешить плачущую Марину и договориться с Верой снова провести вечер в баре. Она уже не чувствовала себя смертельно уставшей, наоборот, работа приносила ей удовлетворение и бодрость.

Через день Валя съездила в поликлинику, обошла всех специалистов, сдала анализы и торжественно вручила заполненную медкнижку секретарше.

Так потекла столичная жизнь. С первого аванса Валя накупила сестрам подарков, отослала по почте, отложила денег на самое скромное питание и вместо блузки приобрела себе симпатичный джемперок за гораздо меньшую стоимость.

Нареканий со стороны администрации не было, отношения с сослуживицами сложились хорошие. Она уже привыкла, что Маринка вечно пребывает в дурном расположении духа, Альбина почти все время молчит, а Верка только и говорит, что об очередных кавалерах. Были в отделе и другие продавщицы: смазливая, черноглазая Танька, тихая как мышка Олеся и бойкая, смешливая Лада. В какие-то дни некоторые из девушек переходили в соседний мясной отдел, взвешивали и упаковывали фарш и полуфабрикаты. Распоряжались этими перестановками Зоя Васильевна и все та же Галина, дочка секретарши. Валю они не трогали – слишком уж ловко она управлялась с машинкой, щелкая покупателей, как семечки.

В общем, все складывалось весьма удачно. Даже тетка постепенно перестала ворчать и смирилась с тем, что ближайшие полгода-год у нее в квартире будет жить постоялица.

Лето закончилось, за окнами стоял дождливый сентябрь. Валя все чаще, выходя утром из дому, раскрывала над головой старенький темно-зеленый зонтик. Кроссовки прохудились и пропускали воду, но до полочки было еще далеко. Приходя в универсам, Валя переобувалась в туфли, а кроссовки пристраивала в комнате отдыха у включенного обогревателя – сезон отопления пока не начался.

Ногам в потрепанных, изношенных лодочках было холодно. В конце концов сердобольная Зоя Васильевна принесла ей из дому свои старые войлочные ботинки. Они оказались Вале в самый раз. Пребывая в отличном настроении, она нарезала батон докторской, тихонько напевая под нос любимую мелодию с «Фабрики», как вдруг почувствовала спиной чей-то пристальный взгляд. Валя закончила работу и обернулась.

Неподалеку от прилавка стоял парень явно кавказской внешности и рассматривал ее в упор. Валя недовольно повела бровью, однако кавказец не двинулся с места, продолжая пялиться на нее во все глаза. Тогда она отдала покупателю нарезку, уперла руки в боки и проговорила с суровостью в голосе:

– Чего вам, молодой человек?

– Ничего, – миролюбиво ответил парень с еле уловимым акцентом. – Просто гляжу. Красивая девушка, и работает красиво.

Валя пренебрежительно хмыкнула. Она недолюбливала и побаивалась южных мужчин. В Ульяновске их было гораздо меньше, чем в Москве, – здесь они попадались на каждом шагу,

бросали на нее масляные взгляды, выразительно цокали языками вслед, а то и норовили откровенно облапать на ходу.

Однако незнакомец чем-то неуловимо отличался от остальных. Создавая его, природа-матушка явно не поскупилась. Внешность у парня была дай бог всякому: стройный, гибкий, на точеном лице глаза-вишни, грустные и загадочные, тонкий, орлиный нос, яркие, четко обрисованные губы. И выражение лица не самодовольно-надменное, а мягкое, но серьезное. А еще копна волос цвета воронова крыла и приятный запах дорогого одеколona, долетавший за прилавок даже с приличного расстояния.

Все это Валя не преминула отметить про себя, вслух же с холодной вежливостью произнесла:

– Пожалуйста, будьте так добры, не мешайте.

Кавказец покачал головой и улыбнулся – не нахально, а с искренним добродушием и теплотой.

– Суровая девушка. Такая красавица, а неласковая. Я ж ничего не делаю, только смотрю.

– В музей идите, – колко проговорила Валя. – Там картин много. Любую выбирайте и смотрите на здоровье. А здесь магазин. – Она демонстративно перекинула косу за спину и, заметив подошедшего к прилавку старичка, с улыбкой обратилась к нему:

– Что желаете?

Старичок желал триста граммов любительской. Валя с утроенным рвением принялась за дело.

Парень постоял еще немного, вздохнул и исчез.

– Лихо ты его отбрила, – шепнула на ушко Вале Вера. – Не всякая бы отважилась.

– Почему это? – искренне изумилась Валя.

Вера, взвешивающая буженину, даже руки опустила.

– Разве ты не в курсе, кто он?

– Нет.

– Это же Тенгизка, сын хозяина. Чудо хлопец, верно? Кобель только жуткий, но с его внешностью другим и не будешь.

Верка мечтательно закатила глаза и, решительно приклепнув на лоток этикетку, вручила буженину покупательнице, громко брякнув:

– Приятного аппетита!

Женщина молча сунула покупку в корзину и, покосившись на девчонок, отошла. Валя задумчиво теребила в руках целлофановую оболочку от колбасы.

– Девушка! – тихонько окликнул старичок. – Вы уснули?

– Ой, простите. – Она швырнула шкуру в ведро и стала отрезать от батона нужный кусок.

Ей одновременно было и приятно, и как-то не по себе. Ишь, черт чернявый, вылупил свои фишки! А глазища-то, ну прямо в пол-лица, отродясь таких не встречала. И подумать только – у старого, брюхастого Муртаза Аббасовича такой красавчик-сынок. Ну, как он теперь разозлится на Валу да пожалуется папеньке? Вдруг тот уволит ее или наложит какой-нибудь штраф? А что, очень даже запросто, хозяин – барин.

Валя тут же отогнала от себя глупые мысли. В самом деле, где это видано, чтобы штрафовать за нежелание разговаривать? Да и наверняка этот Тенгизка к каждой новой девушке точно так же подъезжает, все небось привыкли давно, никто внимания не обращает.

Она не заметила, как щеки у нее разгорелись, ей стало жарко, будто на ногах были не войлочные сапожки, а настоящие валенки.

– Чего плаешь? – ехидно поинтересовалась Верка. – Глянулся, видать, мальчишка?

– Заткнись, – грубо оборвала ее Валя и сама себе удивилась – чего это она?

– Заткнись, – невозмутимо согласилась Верка, – только учти, запросто от него не отделаешься. Ты не смотри, что он весь из себя культурненький – что надо, то и возьмет.

– Руки короткие, – сердито и смущенно буркнула Валя. Помолчала немного, а потом спросила, осторожно и нерешительно: – А что... он со многими тут... хороводился?

– Как тебе сказать? – неожиданно серьезным тоном проговорила Вера. – Не так чтоб уж и со многими, но были у него пассии. Ладка, например.

– И... чем все закончилось?

– Бросил он ее. Месяца через два. На Светку-кассиршу переключился. Потом на Майку.

– Это кто? – любопытствовала Валя.

– Работала у нас раньше администратором. Но она его сильно старше была, тоже более пары месяцев не продержалась.

– Вот негодяй! – с невольным восхищением проговорила Валя. – А смотрится таким барашком.

– Держись от него подальше, овечка! – засмеялась Вера.

Рядом возникла Зоя Васильевна.

– Девочки! – Обычно добродушное лицо выражало недовольство. – Потихе. На вас покупатели смотрят. Хотите выговор схлопотать?

– Молчим, молчим, – с трудом сдерживая смех, пообещала Верка.

Валя ничего не сказала, выслушала очередной заказ и принялась завешивать карбонат.

– Зоя Васильевна, а вы что такая бледная? – поинтересовалась Верка, ловко нарезая батон сервелата. – На вас прямо лица нет.

Валя мельком покосилась на старшую продавщицу. Та действительно выглядела хуже некуда: губы серые, под глазами темные круги.

– Да с сердцем что-то, девчата. – Зоя Васильевна без сил опустилась на табурет. – Сегодня с утра сама не своя хожу. Уж и лекарство выпила, а все без толку.

– Домой вам надо, – посоветовала Вера, – а там врача вызвать. Может, инфаркт.

– Типун тебе на язык! – испугалась продавщица и, внезапно сморщившись от боли, приложила руку к груди. – Вот, опять. Ах, зараза!

– Нужно грелку теплую к ногам, – проговорила Валя, вспомнив Евгению Гавриловну. У той частенько вечерами прихватывало сердце, и она ложилась в постель, прикладывая к ступням бутылку с горячей водой.

– Где ж я здесь ее возьму, грелку-то? – через силу усмехнулась Зоя Васильевна. Лицо ее стало совсем белым, однако она попыталась встать. – Ладно, пойду. До вечера еще далеко, глядишь, расхожусь, пройдет. – Она сделала пару нетвердых шагов и вдруг начала оседать на пол.

Подоспевшая Верка едва успела подхватить ее под мышки.

– Валька, живо беги к Людмиле Ивановне! Пусть звонят в «неотложку»!

Валю и просить было не нужно – бросив нож, она понеслась из отдела в служебное помещение.

Вызвали «Скорую». Та ехала жутко долго. Все это время Зоя Васильевна лежала в комнате отдыха, куда ее перенесли грузчики, Валера и Артем.

Пожилая врачиха осмотрела обессиленную, полуживую женщину, измерила ей давление и произнесла спокойно-равнодушным тоном:

– Инфаркта нет. Стенокардический приступ. Поедете в больницу? Если нет, то позвоните домой, пусть за вами приедут. И вызовите завтра с утра участкового, он даст больничный.

Примерно через час примчался муж Зои Васильевны, Виталий, осторожно подхватил жену на руки и отнес в машину. Вера и Валя выбежали на минутку на улицу, замахали руками.

– Поправляйтесь, Зоя Васильевна! Не волнуйтесь, все будет в порядке.

Обе чувствовали искреннюю жалость к старшей продавщице и от всей души хотели сказать ей что-нибудь ободряющее.

Неприятность с Зоей Васильевной вытеснила из головы все другие мысли. О южном красавчике Валя больше не вспоминала. Доработала на автопилоте остаток дня, отчиталась перед Галиной за товар и бегом в подсобку, переобуваться в кроссовки. Вышла – а он тут как тут.

Стоит у дверей, улыбается, в руках плитка шоколада.

– Для красивой девушки.

...И снова чувствует Валя, как жар заливает лицо. Хочет она сказать парню что-нибудь резкое и не может. Молча тербит кончик косы...

– Что же ты? Бери. – Тенгиз протянул ей плитку, сунул прямо в руку. Неудобно не взять, неловко.

– Спасибо. – Валя тоже улыбнулась, правда, немного исподлобья.

– Можно тебя куда-нибудь пригласить? В бар, например?

...Смотрит Валя на Тенгиза, смотрит, не оторвется. Разум подсказывает ей: откажись! Какие могут у них быть отношения? Разные они, как небо и земля: и национальности, и семьи, и жизненный уклад. Тенгиз – богач, она в сравнении с ним нищенка. Беда будет, если согласится на его ухаживания.

Но то разум. А сердце – оно иначе твердит. Бьется Валино сердце, как ни разу не билось за восемнадцать лет. Не хочет признавать, что Тенгиз ей чужой. Не чужой! Свой, родной, будто всю жизнь его знала.

И Валя решилась. Облизала пересохшие губы, едва заметно кивнула:

– Пригласи.

Тенгиз осторожно взял ее под руку и повел. Валя шла и вдыхала запах его парфюма. Ей казалось, она не по асфальту ступает, а по зыбким волнам: еще шаг – и упадет. Она невольно прижалась к его плечу, к мягкому ворсу красивого светло-серого свитера. Тенгиз обернул к ней бронзово-смуглое лицо.

– А имя свое мне скажешь?

– Валентина.

– Валя?

– Да, Валя.

– Валя-Валентина, – задумчиво полупроговорил-полупропел Тенгиз. – Знаешь, стих такой есть?

– Не знаю, – удивилась Валя, – какой стих?

Тенгиз остановился, не выпуская ее локтя, слегка наклонил голову и продекламировал все с тем же едва уловимым южным акцентом:

Валя-Валентина, что с тобой теперь?

Белая палата, крашенная дверь.

Тоньше паутины из-под кожи щек

Тлеет скарлатины смертный огонек...

Грустное стихотворение. Эдуард Багрицкий написал. Читала Багрицкого?

– Нет, – честно призналась Валя, изумленная такими познаниями в области русской литературы, – а ты читал, да?

– Я читал, – подтвердил Тенгиз. – Мне он нравится. А еще Маяковский и Блок.

Валя изумленно хлопала глазами.

– Какой ты... умный. Тебе лет-то сколько?

– Двадцать один.

– Учишься, работаешь?

– Учусь. В университете, на филфаке.

Что такое «филфак», Валя толком не знала, но догадывалась – это что-то очень крутое.

Они не спеша побрели дальше, дошли до бара, того самого, в котором любила сидеть вечерами Верка. Тенгиз галантно раскрыл перед Валею дверь.

– Прошу.

– Мерси, – сказала она и забеспокоилась: небось вид у нее! Чистая деревенщина, да еще в этих кроссовках. А Тенгиз... он такой стильный, тонкий, изысканный. Вот стыдоба!

– Какой столик выбираешь? Хочешь, вон тот, у окна?

– Не хочу. – Валя решительно замотала головой.

Там, у окна, они всегда сидели с Веркой. А сейчас – совсем другое. Новое. Прекрасное. Волшебное. И не будет она ни о чем беспокоиться: ни о том, что не читала Багрицкого и Маяковского, ни о том, что нет на ней вечернего платья, ни о том, что наверняка Тенгиз до нее водил сюда еще десятерых девушек. Плевать на это!

– Тогда выбирай сама, – покладисто проговорил он.

Валя, гордо выпрямившись и подняв голову, королевой прошествовала через зал, оставившись у того столика, что был ближе всех к стойке. Пусть бармен, который уже давно знает ее в лицо, посмотрит, с каким кавалером она сегодня пришла.

Тенгиз глядел на нее с нескрываемым восхищением.

– Какая ты красавица. А, главное, коса. Я такую косу никогда в жизни не видел. Можно ее потрогать?

– Трогай, – разрешила Валя.

Тенгиз осторожно погладил ее волосы кончиками пальцев.

– Как шелк. А щечки, как бархат. – Он, уже не спрашивая разрешения, коснулся ее лица.

И вновь она смолчала, хотя никогда и никому прежде не позволила бы такого нахальства. Они уселись рядышком, Тенгиз придвинул свой стул вплотную к Валиному, так, что их плечи опять соприкасались. Подошел официант.

– Кушать будешь? – спросил Тенгиз. – Я закажу ужин.

– Спасибо, я не голодна.

– Я все равно закажу. Хочешь шашлык? Здесь отличный шашлык, настоящий, бараний. А к нему красное вино. каберне, например.

При упоминании о шашлыке Валя невольно сглотнула слюну. Сегодня в обед она снова ела лапшу и пила чай с сухарем, а сейчас ощутила мгновенный и острый приступ голода.

Тенгиз уже диктовал официанту:

– Пожалуйста, два шашлыка, салат из крабов, жульен, бутылку каберне, две чашки кофе и десерт со взбитыми сливками.

– Ты что? – Валя в ужасе дернула его за рукав. – Кто это все будет есть?

– Мы.

Официант записал заказ, вежливо кивнул и удалился. Валя, скрестив руки на груди, сердито смотрела на Тенгиза. Щеки ее полыхали.

– О-о, какая строгая. – Он наконец зацокал-таки языком, как полагается кавказцу, но сделал это как-то по-особенному, без пошлости, а, скорее, с мягкой, необидной насмешкой. – Не злись, Валя-Валентина, я ж ничего плохого не сделал. Просто хочу тебя покормить.

– Ага, покормить! – не выдержала Валя. – А потом? Учти, я натурой платить не собираюсь. Вернее, не так сразу, в первый же вечер... – Она поняла, что сморозила глупость и замолчала, краснея еще больше.

Тенгиз, однако, сделал вид, что ничего не заметил.

– Кто тебе сказал, что мне нужна твоя натура? – Он обезоруживающе улыбнулся. – По-твоему, все мужчины подлецы?

– Конечно, – буркнула Валя, глядя в скатерть.

– Ай-ай-ай! – Тенгиз соорил уморительную физиономию. – Кто ж это тебя так настраивал? Мама?

– Не маленькая, сама отлично знаю.

– Да что ты знаешь? Ну скажи честно, ты ведь из глубинки в Москву приехала? Так?

– Ну, так.

– Ты хоть раз в своем городе была с мужчиной в приличном кафе? Нет? А чего тогда говоришь?

– А вот и была! – выпалила Валя.

Она вспомнила, как Вовка однажды зазвал ее в молочный бар неподалеку от школы и купил ей сразу два фруктовых коктейля. Но то был Вовка! Его Валя, нисколько не смущаясь, могла шугануть, когда хотела, если бы он только посмел позволить себе лишнего. Да он и не позволял – сидел рядом, краснел, бледнел и заикался.

Нет, Вовка не Тенгиз. И он прав – никогда еще Валя не была на настоящем свидании со взрослым мужчиной.

Она не стала продолжать спор, тем более что официант принес и поставил на стол бутылку вина и два тонких, прозрачных бокала.

– Разлить? – спросил он у Тенгиза.

– Нет, спасибо, я сам.

Парень снова бесшумно исчез.

Тенгиз наполнил бокалы до самых краев.

– Давай выпьем за наше знакомство.

– Давай.

Вино было прохладным и терпким на вкус. После него пустота в желудке стала еще ошутимей.

– Сейчас принесут салат, а шашлык готовится чуть дольше, – сказал Тенгиз. – Ты пока расскажи о себе.

– А что рассказывать? – усмехнулась Валя. – Ты уже и сам обо всем догадался. Жила в Ульяновске, окончила школу, приехала сюда. Вот, к отцу твоему устроилась. Спасибо, что он берет приезжих.

– Мы сами приезжие, – серьезно проговорил Тенгиз. – Из Еревана. Когда перестройка началась, азербайджанцам худо стало, вот и уехали. Мне тогда лет восемь было. Мать в Москве через два года умерла. Давление у нее высокое было, инсульт случился. В больнице все денег хотели – и врачи, и сестры, а у нас их не было. Вот и не спасли ее. – Он посмотрел Вале в лицо огромными печальными глазами. – После ее смерти отец дело открыл. Сначала на рынке торговал, потом сколотил капитал, магазинчик приобрел. За ним другой. А в прошлом году этот супермаркет.

Валя слушала Тенгиза молча, и ее охватывала жалость. Значит, он сирота. Даром что красивый и богатый – без матери какое счастье! Может, оттого и взгляд у него с грустинкой, и стихи мудреные любит о всяком нехорошем. Как там у этого Багрицкого? «Тлеет скарлатины смертный огонек». Бр-р!

Валя невольно поежилась. Тенгиз удивленно приподнял брови. Она испугалась, что он обидится.

– Это я так. Замерзла немножко.

– Давай согрею. – Тенгиз обнял ее за плечи, прижал к себе.

Валя не противилась, ей было приятно. Хотелось, чтобы он не отпускал ее подольше. Она даже о еде думать перестала и пожалела, когда появился официант с салатом на подносе.

– Ешь. – Тенгиз придвинул к Вале тарелку.

– А ты?

– Я салаты не люблю. Мяса дождусь. – Он вдруг усмехнулся и покачал головой.

– Чего ты? – удивилась она.

– Да так. Просил тебя рассказать о себе, а вместо этого сам начал.

– Хорошо, что рассказал, – серьезно проговорила Валя, – теперь я знаю, что ты не такой, как все.

– А какой же?

Она неопределенно пожала плечами и отвела взгляд. Не говорить же парню, что он ей откровенно нравится, а ведь так оно и есть! Тенгиз улыбнулся и ласково погладил ее руку.

– Спасибо тебе, Валя-Валентина.

– За что?

– За сочувствие. Я зоркий, все вижу. Ты ешь, не стесняйся.

Валя послушно взялась за вилку. Салат оказался таким нежным, что буквально таял во рту. Минут через пять принесли шашлык.

Они ели, поглядывая друг на дружку.

«Поцелую его сегодня! – решила Валя. – Нет, завтра. Сегодня пусть только обнимет на прощание. – И тут же испугалась: – А вдруг завтра он больше не придет? Сегодня поцелую!»

– Ты одна живешь? – будто прочитав ее мысли, спросил Тенгиз.

– С теткой. Вернее, у нее в квартире.

Он сочувственно покачал головой:

– Худо небось жить у чужих?

– Худо, – подтвердила Валя со вздохом и мельком глянула на часы. – Мне и домой пора. Уже десять.

– А если задержишься чуть-чуть? – Тенгиз с надеждой заглянул ей в лицо. Валя закусил губу.

– Не могу.

– Тогда давай вино допьем, и я тебя провожу.

Они посидели до половины одиннадцатого, допили вино, выпили кофе, Валя съела огромное, свежее воздушное пирожное. Ах, как ей не хотелось уходить! Сидеть бы здесь, в баре, всю ночь, благо он открыт, слушать бархатный, певучий голос Тенгиза, чуть заметно округляющего гласные, смотреть в его бездонные глаза. Но нельзя, нельзя.

Он довел ее до самого подъезда, и там у двери они еще постояли, переговариваясь тихонько, почти шепотом. К Валиному удивлению, Тенгиз вел себя точно примерный школьник – рук не распускал, не то что целоваться, даже и обниматься не полез, только поигрывал кончиком ее косы.

Перед тем как убежать, она сама чмокнула его: хотела в губы, да в темноте и спешке не рассчитала, получилось куда-то чуть ниже виска.

– Пока, Тенгизик.

– До свиданья, Валя-Валентина. Завтра после работы жди, я приду.

– Приходи. – Она юркнула в подъезд.

Сердце у нее в груди бешено колотилось, в голове был туман – как-никак, они бутылку целую на двоих уговорили. С трудом нашарив в сумочке ключ, Валя отперла дверь.

Евгения Гавриловна, по обыкновению, уже спала. Валя, не зажигая света, бесшумно, как мышка, проскользнула в ванную, оттуда в комнату, разобрала свою раскладушку, улеглась, и ну мечтать о завтрашнем дне.

...Все Веркины предостережения из головы вылетели, ничего она больше не боится. Видит Валя, ясно видит, что не только она от Тенгиза, но и он от нее без ума, а раз так, то удержит она его возле себя любой ценой, обязательно удержит, никому не отдаст.

7

Утром в магазине Верка, накануне убежавшая раньше Вали к отцу на день рождения, глядела на нее с любопытством, выжидающе. Валя, однако, молчала как партизан, хотя ее и распирало поделиться сногсшибательной новостью. Наконец Верка не выдержала:

– Валь, правду Маринка говорит, будто вы с Тенгизкой вчера в бар ходили? Или брешет?

– Не брешет, – тихо себе под нос ответила Валя.

– А что ж таишься, подлая твоя душа? – Вера весело расхохоталась и, приобняв Валу за плечи, потребовала решительно: – А ну, давай выкладывай все как на духу.

И Валя выложила. Рассказала обо всем: и о том, как Тенгиз ждал ее вечером возле университета, и о том, как пригласил поужинать вместе, как стихи читал и все прочее.

Верка слушала внимательно, не отрываясь, впрочем, от резки колбасы, иногда, в особо пикантные моменты повествования, вставляя свои комментарии. Дослушала до конца, и лицо у нее разочарованно вытянулось.

– И все?

– А ты чего хотела? – хихикнула Валя, – Чтобы мы сразу... того? Я ж не шалава какая.

– Да ты небось еще и целка, – мрачно констатировала Вера и, окинув ее ироничным взглядом, заявила: – Да, девочка, будут у тебя проблемы. Ты б хоть таблеток в аптеке купила, что ли.

– Каких таблеток? – наивно поинтересовалась Валя.

– От кашля! – ухмыльнулась Верка. – Неужто не сечешь?

– Ну тебя! – Валя густо покраснела и с размаху рубанула ножом по колбасному батону. Кусок вышел кривой, с неровным, зубчатым краем. – Вот, видишь? – окрысилась она на Верку. – Все из-за тебя.

Та невозмутимо пожала плечами:

– Не хочешь, не слушай. Сама же потом жалеть будешь.

Веркины слова Вале в голову очень даже запали, даром что сделала вид, будто ее это не интересует. Дождавшись перерыва, она добежала до соседней аптеки. Долго мялась перед прозрачной витриной, пока к ней не подошла девушка-консультант.

– Вам помочь?

Валя кивнула и пробормотала, запинаясь:

– Мне вот... лекарство... таблетки... – Она ткнула пальцем в витрину.

– Понятно. – Девица тактично улыбнулась. – Вообще-то, лучше всего в таких случаях проконсультироваться с врачом, но я бы порекомендовала вот это. – Она, отодвинув стеклянную дверку, достала с полки красочную коробочку. – Хорошие таблетки, почти всем подходят. Принимать надо за час до... свидания. Ясно?

– Ясно. – Валя обрадованно схватила коробочку и поспешила на кассу.

Таблетки стоили недешево, но ее это не огорчило. Наоборот, она почувствовала себя надежно защищенной от всех напастей – раз цена приличная, то и качество должно быть высоким.

– Где была? – спросила Верка, как только Валя вернулась в магазин.

– В кафе.

– Зачем тебе в кафе, если вечером в ресторан пойдешь? – На ее круглом, простоватом лице читались одновременно и насмешка, и легкая зависть, и добродушие. Последнего, пожалуй, было более всего. Валя решила не обижаться на нее – ну что поделать, если у Верки такой характер, все норовит сказать какую-нибудь колкость.

– Может, еще и не пойдём, – утешила она подругу.

– Как так? – оживилась Верка.

– Вдруг он не зайдет. – Валя лукаво и кокетливо стрельнула глазками.

– Ну да, не зайдет, – хмыкнула Вера, – прибежит как миленький. Сразу видно было, что он на тебя запал.

Валя самодовольно улыбнулась, поправила резинку в косе.

Тенгиз и верно не заставил себя ждать. Едва девчонки, переодевшись, вышли на улицу, увидели: тут он, собственной персоной. Улыбается сахарной улыбкой в тридцать два зуба, рукой машет:

– Привет, Валя-Валентина! Садись, прокачу.

Глянула Валя – а в стороне, у газетного киоска, новенькая, блестящая «десятка». У Верки аж дыханье сперло.

– Ух ты! – только и смогла произнести она.

– Отец подарил на день рождения, – пояснил Тенгиз, распахивая перед Валею дверцу.

Верка скромно отступила на шаг назад, потупила хитрый взгляд.

– Не буду вам мешать. Чао, подружка.

– Пока. – Валя, не веря глазам, стояла перед роскошным автомобилем. – Господи, ну и красота!

– Что ждешь? Садись, – пригласил Тенгиз.

Валя плюхнулась на мягкое сиденье. Тонко и вкусно пахло дорогой кожей. Тенгиз обошел машину, сел рядом, тихонько включил магнитолау.

– Куда поедем? Хочешь, в «Славянский базар»?

– Не хочу. – Валя посмотрела ему в глаза. – Покатай меня по Москве. Я ж ничего толком не видела.

– Будет исполнено, королева. – Тенгиз завел двигатель. «Десятка» плавно, как корабль, тронулась с места.

...И вот уже мелькают за окном разноцветные огни вечерних столичных улиц. Тенгиз везет Валу по проспекту Вернадского, мимо цирка, университета, Воробьевых гор, к центру. Они едут по ярко освещенному мосту, под ними внизу чернеет Москва-река. Потом автомобиль вылетает на огромную магистраль. Вокруг – нескончаемый поток машин, и все они несутся на бешеной скорости. Шум, рокот, гул, мелькают неоновые вывески, реют в воздухе, колышутся от ветра рекламные транспаранты. Валя в ужасе закрывает глаза.

– Это Садовое кольцо, – улыбается Тенгиз.

«Десятка» мчит дальше – по Смоленской набережной, по Новому Арбату, по Тверской. Валя уже не боится, привыкла. Она опустила стекло, и ветер обдувает ее разгоряченное лицо, треплет волосы, выбившиеся из косы.

У окна фастфуда Тенгиз останавливается, сует в окошко деньги и протягивает Валею гигантский гамбургер и кофе в высоком картонном стаканчике. Валя пытается откусить, но бутерброд не умещается у нее во рту. Она пачкается кетчупом и хохочет. Тенгиз тоже смеется, достает из кармана платок, вытирает ее пальчики один за другим...

...Машина одиноко припаркована в темном арбатском переулке. Они самозабвенно целуются, так и позабыв поднять тонированные стекла. Руки Тенгиза сжимают Валу все крепче, легко проникая под одежду, глядят ее шею, грудь. Она дышит с трудом и чувствует, как внизу, в животе, рождается теплая тяжесть, разливается по всему телу, делая его безвольным и податливым. Еще немного, и произойдет то, о чем предупреждала ее Верка. И вдруг она вспоминает про таблетку.

Валя в ужасе делает над собой отчаянное усилие, выпрямляется и сбрасывает руки Тенгиза. Тот смотрит затуманенными глазами, ничего не понимая.

– Что? Что случилось? Валя-Валентина, что с тобой?

– Ничего, – жалобно всхлипывает Валя. – Я... хочу домой. Отвези меня.

– Не надо домой, – умоляюще просит Тенгиз. – Поедем ко мне. Я тебя очень хочу. Пожалуйста!

Лицо у него такое несчастное и одновременно красивое. Прядь иссиня-черных волос, лоб в мелкой испарине. Ее сердце пронзает никогда дотоле не испытанная нежность. Она осторожно отводит волосы Тенгиза, гладит его по щеке, повторяет пальцем тонкий изгиб губ.

– Пожалуйста, – как заведенный, повторяет Тенгиз.

– Хорошо, поехали, – жарко шепчет Валя.

Ей все равно. Она знает, что сегодня не вернется домой. Ну и пусть! Пусть тетка хоть лопнет от злости – то, что сейчас происходит здесь, в машине, важнее любых отношений, важнее всего. Самое главное, самое ценное. Наверное, это любовь.

Валя произносит про себя это слово и удивляется: сколько раз в школе ей казалось – она влюблена, а теперь получается, даже понятия не имела, что это такое. Любовь. Песня, в которой нет начала и конца, стих, где главные герои она и Тенгиз, дорога в неизвестное будущее, полное светлых грез...

Тенгиз потихоньку крутит стартер. Валя отворачивается от него к окну, нашаривает в кармане куртки упаковку с таблетками, предусмотрительно переложенную туда из сумочки, выдавливает одну из них в ладонь. Как бы так изловчиться, чтобы Тенгиз не увидел? Почему-то Вале очень не хочется посвящать его в свои женские проблемы. Она дожидается, пока его внимание занято стрелкой на светофоре при повороте на шоссе, воровским движением сует таблетку в рот и запивает ее остатками кофе из стаканчика. Кажется, Тенгиз ничего не заметил – его руки спокойно лежат на руле, ноздри слегка подрагивают, глаза смотрят вдаль. Машина, рассекая ночь, скользит по Ленинскому проспекту к Октябрьской площади.

8

У Тенгиза была своя, отдельная однокомнатная квартира неподалеку от Первой градской больницы. Обставить он ее еще не успел, только отремонтировал, поэтому в комнате из мебели стояла лишь низенькая широкая двуспальная тахта и модная навороченная тумба для аудиоаппаратуры. Кухня тоже была пуста, не считая дорогой импортной плиты, холодильника и крошечного складного столика с парой табуреток.

Зато ванная оказалась потрясающей: от пола до потолка отделанная разноцветной плиткой, сияющая зеркалами и никелированными смесителями. На широком бортике ослепительно-белой джакузи громоздилась целая коллекция шампуней, гелей и одеколонов.

Валя как зашла в этот рай, долго не могла опомниться от восторга, стояла, в буквальном смысле слова разинув рот. Потом перенюхала все флакончики и пузырьки, разделась и залезла под воду.

Какое наслаждение – плескаться в душистой, пахнущей сиренью пене в свое удовольствие, не опасаясь забрызгать пол или превысить лимит времени, отведенного Евгенией Гавриловой для соблюдения личной гигиены!

Валя от души накупалась, накинула на блестящее розовое тело просторный махровый халат, висевший на крючке, и, распустив косу, вышла в коридор.

Тенгиз ждал у самой двери, и весь вид его выражал крайнее нетерпение. При взгляде на Валю, лицо которой было в радужных, бисерных каплях недавнего душа, глаза его зажглись восхищением.

– Ты – моя королева. Проси чего хочешь. Хочешь, колечко куплю с бриллиантом? – Голос его звучал с заметным придыханием.

– Хочу, – засмеялась Валя, протягивая ему руки, – а еще сережки.

– Будут и сережки. – Тенгиз легко подхватил ее, принес в комнату, положил на тахту, осторожно раскрыл халат.

Валя лежала перед ним обнаженная и отчего-то не чувствовала стыда. Лишь немного пересохло в горле, а в остальном она была совершенно спокойна.

– Какое у тебя тело! – с восторгом проговорил Тенгиз. – А грудь какая!

– Тебе нравится? – Валя улынулась, глядя на него с обожанием. – Правда?

– Правда, Аллахом клянусь. Красивей тебя никого не встречал. Так бы и смотрел, не отрываясь. – Он с видимым сожалением погасил верхний свет, оставив включенным лишь прикроватное бра, и принялся раздеваться.

В полутьме Валя отчетливо видела его литой гибкий торс, плечи, такие же смугло-бронзовые, как и лицо, плоский втянутый живот, крепкие, поджарые ягодицы.

– Тенгиз! – шепотом позвала Валя.

– Что, милая?

– Я хотела тебе сразу сказать, но не успела. Я... у меня... в общем... это в первый раз.

– Понимаю. Не волнуйся. – Он уже был рядом, лег бок о бок с ней, ласково поглаживая ее тело, покрывая его легкими, быстрыми поцелуями.

Валя вновь ощутила ноющую тяжесть в животе и поняла, что это желание. Оно было таким сильным и острым, что она невольно застонала, крепко прижав к себе Тенгиза. Он поцеловал ее в губы, а затем, приподнявшись над постелью, медленно развел в стороны Валины колени. Она опустила ресницы.

– Не бойся. Тебе не будет больно. Разве только чуть-чуть, капельку. Зато потом... – Тенгиз не договорил, вновь, с еще большей силой притискиваясь, прижимаясь к ее телу. И она, повинувшись порыву своей первой страсти, покорно и доверчиво раскрылась ему навстречу, полная нежности, любви и смятения...

Боли она и правда не почувствовала, вернее, не успела испугаться – лишь коротко, приглушенно вскрикнула, встрепенулась в тесных объятиях Тенгиза. Он тотчас накрыл ее губы своими, ласково погладил по голове:

– Тихо, тихо. Все.

И Вале стало хорошо, легко. Ей показалось, что она вдруг обрела способность летать и парить высоко над землей, а вместо крыльев у нее – руки Тенгиза. Они держат ее крепко-крепко, не дают упасть, с ними надежно, и вовсе не пугает ощущение высоты...

В эти мгновения Валя поняла Верку. Вот почему ей так нравилось быть с мужчинами – это действительно здорово, натурально крышу сносит. Того и гляди закричишь в голос от восторга. Они с Тенгизом теперь и дышали вместе, шумно, судорожно, часто: его вдох – и ее, ее выдох – и его – будто бы стали одним существом, слились воедино...

Потом они так же одновременно стиснули друг друга до сладкой боли, проглотили последний, самый страстный стон и затихли в блаженном изнеможении...

– Вот теперь ты по-настоящему взрослая, Валя-Валентина, – тихо поговорил Тенгиз, поглаживая ее по плечу.

Лица его она в темноте не видела, но слышала по голосу, что он улыбается.

– Ты меня любишь, Тенгизик?

– Люблю. Очень сильно люблю.

– Сильнее, чем всех других? – Валя уютно устроила голову у него на груди. Черные, курчавые волосы Тенгиза приятно щекотали ей щеку.

– Кто тебе сказал о других? – с лукавством произнес он.

– Да уж сказали. – Валя шутливо толкнула его кулачком в бок. – Запомни, я не такая, как они. Не вздумай меня разлюбить! Понял?

– А то что? Зарежешь от ревности? – засмеялся Тенгиз.

– Не зарежу, – дрогнувшим голосом проговорила Валя, – а только... только... никогда не прощу. Так вот и знай – никогда! – Она даже голову подняла, села на постели.

– Какая горячая! – Тенгиз ласково привлек ее к себе, силой заставил лечь обратно. – Зачем это я вдруг тебя разлюблю? Мне с тобой хорошо. Завтра ведь у тебя выходной, верно? Ну вот, мы можем весь день быть вместе. Я институт пропущу.

– А можно? – с опаской спросила Валя, снова зарываясь лицом в густую темную поросль на его груди.

– Нельзя. – Тенгиз хитро улыбнулся. – Но если очень хочется... – Он легонько пощекотал ее за подбородок и горделиво произнес: – Отец такие бабки за меня платит, что переживут.

Валю неприятно резанули его слова. Надо же – отец платит! Папенькин сынок нашелся, еще и хвастает этим. Молчал бы, стыда ради, а он болтает, будто другим и гордиться нечем. Однако она ничего не сказала, продолжая лежать рядом с Тенгизом, прикинув к нему всем телом.

Он по-своему истолковал паузу в их разговоре: затормозил Валю, снова стал целовать. Миг – и в ней зажглась ответная страсть.

«Да будь его отец хоть китайский император, – подумала она остатками гаснущего, задурманенного сознания, – какая мне разница. Люблю его, и точка».

9

– Так я и знала. – Евгения Гавриловна уперла руки в боки и стояла перед Валею, всей своей позой выражая высшую степень неодобрения. – Так и знала. Двух месяцев не прошло, а она уже шляться начала. Где была, я спрашиваю? Почему ночевать не явилась?

– Сто раз уже вам сказала, к подруге ходила, – как заведенная бубнила Валя, сидя на диване и изо всех сил стараясь не клевать носом. Глаза у нее слипались, все тело ломило, будто она пробежала лыжную дистанцию. Хотелось одного – немедленно принять горизонтальное положение и уснуть. Спать до завтрашнего утра, до самого ухода на работу.

Но где там! Тетка, едва она переступила порог, накинута, точно цербер: где, что да с кем. Не отвязаться от нее, не отцепиться ни за какие коврижки. И спрятаться негде, комната-то одна, – разве что в туалете.

Так Валя и поступила – улучила секундочку, дождалась, пока Евгения Гавриловна наберет побольше воздуха в легкие, чтобы продолжить ругань, и слиняла восвояси. Захлопнула дверь туалета, задвижку заперла, опустила крышку унитаза, села, глаза закрыла и задумалась.

Тетка уже ее в шлюхи записала. Может, и верно, она шлюха? Два дня Тенгиза знает, а согласилась с ним спать. Да еще и радости полные штаны с этого заимела. Интересно, что бы мама сказала, знай она всю ситуацию?

Хочется Вале усовеститься, расстроиться – а не получается. На сердце – красота, ни малейшего раскаяния. Любит она Тенгиза, ну не убивать же ее за это! Всерьез любит, даже представить жутко, что будет, если им придется расстаться. А тетка говорит «шлюха»! Тьфу! Да разве ж она, Валя, со всяким бы так стала? Ясно же, только с Тенгизом. С ним одним.

...В дверь забарабанили.

– Ну, что ты там? Уснула? Вылезай! – крикнула Евгения Гавриловна. – Слышь, чего говорю, вылезай! Делай что хочешь, только потом не плачь. И помощи не жди. – Теткины тапочки шумно зашаркали по коридору.

– Еще чего удумала, плакать, – вполголоса зло проговорила Валя. – А помощь твоя мне и даром не нужна. Старая крыса!

Она на всякий случай, для видимости, спустила воду и вышла из туалета. Заглянула в комнату. Тетка сидела у окна в кресле и штопала чулок.

Валя молча расстелила раскладушку и улеглась, хотя было лишь восемь вечера. Весь день они с Тенгизом провели у него дома, не вылезая из постели. Завтра он обещал сводить ее в аквапарк, а послезавтра увезти с ночевкой на дачу к друзьям – там, дескать, сауна, бассейн и шашлыки мировые можно заделать, не хуже, чем в баре подают.

С мечтами о послезавтрашнем дне Валя и уснула – не помешали ей ни включенный свет, ни ворчливое бормотание тетки, разговаривающей сама с собой, ни гортанные крики Петруши.

10

Так начался Валин сумасшедший роман, о котором вскоре уже знал весь магазин. Тенгиз ежедневно встречал ее у дверей универсама и вел в бар или кафе, а в выходные и вовсе увозил куда-нибудь на всю ночь. Друзей у него было великое множество, и все веселые, хлебо-сольные, совершенно не считающие денег. Валя быстро привыкла к шумным компаниям, где большинство людей были ей абсолютно незнакомы, но тем не менее каждый чувствовал себя раскованно и непринужденно.

Гости ели и пили, благо столы щедрых хозяев всегда ломились от закуски и спиртного, танцевали до упада, затем, сбросив одежду, в чем мать родила отправлялись в парилку. Нажавшись до седьмого пота, ныряли в прохладный бассейн, вволю плавали там, а дальше делали что хотели: кто послабей, давал храпака, кто покрепче, уединялись парами в роскошных хозяйских апартаментах.

Тенгиз и Валя всегда оказывались в числе последних. Они буквально угорали от взаимного желания и могли заниматься любовью сутками напролет. Где угодно: в машине, в чужой спальне, в темном дворе дачного особняка и даже в туалетной комнате ресторана.

Немудрено, что утром, стоя над машинкой и нарезая колбасу, Валя пошатывалась от усталости и хронического недосыпа. Она заметно осунулась, румянец на ее щеках поблек, под глазами залегли глубокие тени, и только сами они сияли, придавая лицу особую красоту и манкость, несмотря на усталый вид.

Иногда Валя ощущала, как к горлу подкатывает удушливая, обморочная дурнота – вот-вот, и провалишься куда-то в зыбкую темень, – но такое случалось совсем редко и проходило, лишь только она принимала сидячее положение и делала пару глотков горячего чая.

Вера, глядя на подругу, насмешливо качала головой:

– Скоро совсем высохнешь от любви, одни кости останутся.

– Пусть, – беспечно махала рукой Валя, – зато буду как модель.

– Ты выспишься хоть раз по-человечески, модель! А не то бросит тебя твой принц, другой цветочек свеженький найдет.

– Не найдет. Тенгизик мне преданный до самой смерти.

Верка иронически поджимала губы, крутила пальцем у виска, но послушно замолкала.

Валя и сама не могла понять, почему так уверена в Тенгизе – просто знала, что он без нее никуда, как и она без него. Знала, и точка. Она, не снимая, носила все его подарки: колечко с бриллиантом, купленное после их первой ночи, такие же сережки и тоненькую витиеватую цепочку с алмазным крестиком.

Тенгиз на Валу не скупился, к надвигающейся зиме приодел, приобул: купил дорогие сапожки, куртку финскую, белую, с пушистым мехом, яркий красный мохеровый шарф. Валя теперь и вправду ходила королевой: косу перекинет на грудь и выступает себе на тоненьких шпильках. Мужики, попадающиеся навстречу, шеи сворачивали, глядели вслед, а Вале и дела до них нет. У нее один свет в окошке – Тенгизик.

Тетка давно смирилась, перестала ворчать и пилить племянницу. Валя ей раз в две недели, с аванса и получки, денег стала подбрасывать, немного совсем, но Евгению Гавриловну это заметно обрадовало.

Вообще, свою зарплату Валя делила на три равные части: одну регулярно высылала в Ульяновск, другую откладывала на собственные нужды, а третью припрятывала, чтобы в скором будущем снять комнату. Ей ужасно хотелось уехать от тетки уже сейчас, но, как человек трезвый и практичный, Валя понимала: гораздо надежнее сначала накопить сколько-нибудь значимую сумму и оплатить приличное жилье на длительный срок вперед, чем довольствоваться дешевой трущобой и целиком и полностью зависеть от ежемесячных выплат в универ-

саме. Мало ли, что может случиться? Вдруг, не дай бог, ее уволят, или она заболит – ведь все мы люди, в конце концов.

Существовал и еще один интересный вариант – насовсем переехать к Тенгизу. Тот был вовсе не против, чтобы Валя поселилась у него, однако она опасалась, что Муртазу Аббасовичу подобная затея не понравится и он выкинет ее с работы. Поэтому ничего не оставалось, как терпеливо откладывать заветную сотню баксов на дно сумки «Адидас» и мечтать, как не она к Тенгизу, а он будет приходить к ней в гости.

...Так незаметно пролетела осень. Наступил декабрь, невероятно свирепый и вьюжный, с короткими серыми днями и кромешными ночами. Марина, не доработав неделю до начала зимы, уволилась, и Валя теперь управлялась за двоих, ловко орудуя машинкой и стремительно снует между прилавком и весами. Зоя Васильевна не могла на нее нарадоваться и все время ставила в пример Верке, которая в холода стала вялой, как сонная муха. Она же убедила Людмилу Ивановну повысить Вале оклад на двадцать процентов, чем несказанно обидела Альбину, давно и тайно мечтающую получить прибавку к жалованью. Та при виде счастливой конкурентки теперь отворачивалась, не отвечая на ее приветствия и всем своим видом демонстрируя глубокое пренебрежение и неприязнь. Валу, конечно, задевала такая несправедливость, но она по привычке не унывала, благо, Верка, несмотря на замечания и сравнения не в ее пользу, продолжала относиться к ней по-своему и с теплотой.

Незадолго до Нового года Муртазу Аббасовичу вдруг взбрело в голову проявить заботу о персонале: он пригласил в магазин какого-то чудо-специалиста из центра народной медицины, мотивируя это тем, что тяжелый труд подрывает здоровье и жизненные силы продавщиц и кассирш. По врачам ходить сложно и дорого, а тут, прямо на рабочем месте, всех продиагностируют на предмет скрытых болячек, дадут полезные рекомендации по их искоренению и познакомят со здоровым образом жизни.

Народ воспринял идею хозяина по-разному: кто-то приветствовал, как, например, Зоя Васильевна и Людмила Ивановна, кому-то было все равно, а кое-кто не скрывал откровенного скепсиса по отношению к народному целителю. Кое-кто – это, конечно, была Верка.

– Видали мы этих экстрасенсов, девочки, – слегка приглушив голос, вещала она в тесном кругу сослуживиц после окончания рабочего дня накануне осмотра, – у них одно на уме: как бы клиенток в койку затащить. У меня мать ходила к одному. Тот ее заставил раздеться догола, уложил на кушетку и ну щупать за все места: «Так больно? А так?» Матери и не больно вовсе, а щекотно. Она лежит и хихикает. Так он, этот целитель хренов, нащупался досыта и заявляет: «Опухоль у вас, аккурат в желудке. Очень может быть, злокачественная. Рак, то есть. Обычным врачам она пока что не видна, а я ее поле чувствую».

Мать-то как подскочит с койки, трясущимися руками вещи на себя нацепила и за дверь, только ее и видели. Побежала прямо в диспансер онкологический, прорвалась без очереди в кабинет к главврачу. Уж он ее и так смотрел, и этак, на рентген отправил, на ультразвук – ничего нет как нет.

Она, бедная, после еще года два дергалась, а потом успокоилась. До сих пор жива-здорова, желудок только что камни не переваривает. Вот так, а вы говорите: целитель. – Верка презрительно сморщила физиономию.

– Ну нельзя же всех мерить одной меркой, – возразила Альбина. – Твоей матери попался шарлатан, а этот, может быть, свое дело знает.

– Вот именно, – поддержала ее Лада. – Что до меня, девчата, я не откажусь обследоваться. Пусть хоть щупает, хоть так смотрит, мне не жалко. – Она весело засмеялась.

– Да на них только и надежда, – печально проговорила Зоя Васильевна, последнее время совсем разболевшаяся и вынужденная почти ежемесячно брать больничный. – В этих врачах толку никакого, а мы, девоньки, увы, не молодеем. Организм-то изнашивается от нагрузок.

– Это верно, – оживилась Верка, – нагрузки у нас о-го-го. Лошадь от таких запросто сдохнет.

– Ну уж ты-то не больно нагружаешься, Веруня, – с иронией заметила Галина. – Грех жаловаться. Поглядела бы, как другие пашут.

– Чем это я хуже других? – тут же вскинулась та. – Работаю, как могу. Не все же такие семижильные, как Валюха.

Общество тут же дружно уставилось на Валю, до этого момента молча стоявшую в стороне и слушавшую разговор. Она зарделась от неожиданности.

– Валюшка у нас молодчина. – Зоя Васильевна тепло похлопала ее по плечу. – Одна, почитай, за троих. Таких работающих поискать.

– Вот и ищите, – нахально заявила Верка, – а к знахарю вашему я все равно не пойду.

– Ну и дура, – спокойно резюмировала Галя. – Тебе же хуже. Это ж бесплатно, задаром.

– Бесплатный сыр только в мышеловках бывает. А с нас потом эти денежки все равно как-нибудь да вычтут. Штрафами, например.

Красивое и надменное лицо Галины слегка вытянулось. Она в упор глянула на Верку.

– Не боишься, что твои слова дойдут до кого надо?

Та твердо выдержала ее взгляд.

– Не боюсь. Чего мне будет? Уволить не уволят, и так в отделе народу раз два и обчелся. А ко всему прочему мы привычные.

– Ладно, девочки, не нужно ссориться, – попыталась замять неприятный разговор Зоя Васильевна. – Галочка, насильно ни любить, ни лечиться не прикажешь. Пусть каждый поступает как хочет.

– Да я разве заставляю ее? – Галина невинно подняла бровки. – Дело хозяйское. – Она накинула на плечики легкую норковую шубку и первая вышла из комнаты отдыха.

За ней потянулись остальные. Валя, которую давно уже ждал в машине Тенгиз, тоже заспешила, стала натягивать сапожки.

– Ты-то пойдешь завтра ди-а-гно-стри-роваться? – насмешливо спросила ее Верка.

– Пойду. Отчего ж не пойти. – Валя пожала плечами и принялась надевать куртку.

– Разве у тебя болит чего?

– Когда заболит, поздно будет, – философски заметила она и проговорила извиняющимся тоном: – Вер, ты не сердись, я побегу. Тенгизик заждался.

– Беги, беги. – Верка кисло улыбнулась и сняла с вешалки пальто. – Видать, и вправду ты семижильная, коли после такого дня силы есть бегать.

11

Целитель оказался симпатичным парнем лет двадцати семи, не больше. Одет он был не в медицинский халат, а в обыкновенный свитер и джинсы, говорил немного «окая» и все время ерошил ладонью ладный и густой темно-русый ежик волос.

Желающих пройти обследование собрали в коридоре возле комнаты отдыха, магазин для этой цели закрыли на час раньше «по техническим причинам». Народу набралось прилично: три кассирши, пять продавщиц, сама секретарша Лидия Александровна, Галя, Людмила Ивановна и охранник Паша, единственный из мужиков, – остальные дружно проигнорировали халявное целительство.

Очередь чинно расселась на стулья и табуреты, а кому не хватило ни того, ни другого – на ящики из-под товаров.

– Граждане, – предупредил парень, прежде чем скрыться в импровизированном кабинете, – диагностика занимает совсем немного времени. Пять минут, и с вами все ясно.

– Короче, все мы тут потенциальные покойники, – мрачно пошутил Паша.

Женщины недовольно зашикали на него.

– Все нет, молодой человек, – возразил парень с обезоруживающей улыбкой, – я не то имел в виду. Просто хотел сказать, что вам не придется долго ждать.

– Подождем, сколько надо будет, – успокоила парня кассирша Любовь Семеновна, самая пожилая из всех, собравшихся в коридоре. – Ты, сынок, главное, не торопись, делай свое дело на совесть. А уж мы потерпим.

– Хорошо, – вздохнул парень, видя, что публика понимает его с точностью до наоборот, – кто первый, заходите.

Он исчез за дверью. Вслед за ним вошла Зоя Васильевна.

– Интересно, чего он ей скажет, – проговорила Любовь Семеновна и, перекрестившись, добавила: – Хоть бы ничего худого.

– Да что вам, женщинам, делается! – поддел ее Паша. – Вам природа специально выносливость дала, чтоб рожали. Это нам, мужикам, опасаться надо. У нас ведь как – сегодня здоров, а завтра раз – и лежишь вперед ногами.

– Вот уж глупость болтаешь, – рассердилась кассирша, – женщины, они, напротив, существа тонкие, всякая хворь к ним так и липнет.

– Пашка прав, – вступилась за охранника Лада, – у меня отец всю жизнь ничем не болел, не чихнул даже, а умер раньше матери. Мужчины верно слабее.

– Да тут серединка на половинку, – авторитетно вступила в полемику секретарша, – вот у нас на прежней работе такой случай был...

Она не успела договорить. Дверь распахнулась, выпуская назад Зою Васильевну. Вид у той был чрезвычайно серьезный и даже загадочный.

– Следующий! – крикнул из комнаты парень.

Лидия Александровна поспешно поднялась со стула.

– Потом доскажу. Ну что, Зоя, как? – Она, не дождавшись ответа, махнула рукой и шагнула за порог кабинета.

– Рассказывайте, Зоя Васильевна! – тут же налетели девчонки. – Быстро-то как! Чего он с вами делал?

– Погодите, дайте очухаться. – Зоя Васильевна опустила на табурет и приложила ладони к горящим щекам. – Ой, ребятки, красота, право слово. Парень – ну прямо телепат. Я еще только зашла, он уже говорит: «С сердцем нелады. Так?» – «Так», – отвечаю. Он заставил меня сесть к себе спиной. И вот тут что-то потрогал. – Зоя Васильевна коснулась шеи. – «У вас, – говорит, – позвоночный диск защемлен. От этого все проблемы. Я вам его сейчас поста-

раюсь вправить». Я испугалась, думаю, может, не стоит так, на бегу, за позвоночник братья. Не успела пикнуть, он уже руки убрал. «Все». Как все? Я и не поверила, думала, он шутит. Потом чую, вроде как сердце и вправду отпустило. С самого утра все ныло, а сейчас хорошо, легко. Чудо, ребятки, истинно, чудо. – Зоя Васильевна осторожно выпрямилась, прислушиваясь к своим ощущениям.

– Новый Иисус Христос, – невозмутимым тоном изрек Паша, – сейчас излечит всех прокаженных.

– Тебе лишь бы хохмить, – укорила его другая кассирша, Лиза, – а человеку легче стало. Посмотрим, как другим повезет.

Другим везло не меньше, чем Зое Васильевне. Лидии Александровне народный кудесник снял головную боль и велел срочно сесть на бессолевую диету для профилактики болезни почек, Ладе в мгновение ока вылечил больной зуб. У Паши после двухминутного сеанса мануальной терапии прошел жуткий застарелый насморк. У Лизы и Галины целитель не нашел ничего существенного, но на всякий пожарный посоветовал обеим раз в неделю соблюдать разгрузочные дни и есть размоченные в воде геркулесовые хлопья. «Очень полезно для цвета лица», – пояснил новоявленный чудотворец, выпроваживая девушек за дверь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.